

Олег Носков

БЕЛЫЙ ОМУТ

**О русском водочном мифе
и его горьких плодах**

ЛЮБОВЬ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

Будучи совсем маленьким, лет четырех-пяти, я с любопытством наблюдал за тем, как во время гулянок взрослые пили водку. Было это еще в первой половине 1970-х. Жили мы тогда в провинции, в крупном рабочем поселке. Водку в те времена разливали по рабоче-крестьянски. Из маленьких стопок пили в основном женщины и интеллигенты. Простые же крепкие мужики пили сорокоградусную из граненых стаканов, наполняя их чуть ли не до краев. Пили, разумеется, залпом. Впрочем, залпом пили все, даже те, что наливали себе с наперсток. Помню, как раз тогда я сделал для себя очень странное наблюдение. Мой детский ум никак не мог соединить две, казалось бы, несовместимые вещи. Взрослые всем видом показывали, что водку им пить тяжело и противно, но, тем не менее, они ее пили, и некоторые старались выпить как можно больше. Мне странно было видеть их гримасы во время этой ответственной (как я уже понял) процедуры. Кто-то морщил глаза, кто-то кривил рот, кто-то делал болезненный выдох. У женщин иногда после приема внутрь вообще вырывалось красноречивое «фу-у-у». В общем, было очевидно, что ничего приятного этот прозрачный напиток взрослым не доставляет.

Разумеется, подобное зрелище вызывало у меня закономерный вопрос: если им так противно, зачем тогда они это пьют? Предположить, будто это делается ради опьянения, я в ту пору совершенно не мог. Подчеркиваю: не мог. Пьянство как таковое всегда осуждалось, осуждалось теми же самыми людьми, что участвовали в шумных попойках. Помню, на нашей улице уединенно жила одна совершенно опустившаяся семья. Таких горемык презрительно

называли «алкашами», ставя им в вину именно склонность к регулярным запоям. «Алкаши» обычно жили замкнуто, не имели постоянной работы и общались, в основном, только с себе подобными. Смотрели на них как на прокаженных, не испытывая к ним особого сочувствия. А детям назидательно указывали: смотрите, мол, не станьте такими же. Поэтому ни один рассудительный ребенок не мог и предположить, что доводить себя до скотского состояния - есть то приятное, чего добиваются родные и близкие ему люди во время гулянок.

В общем, о пьянстве как таковом всегда высказывались плохо. Да и наглядные примеры сами по себе были красноречивее всяких слов. Каждый из нас с раннего детства мог быть свидетелем омерзительных картин пьянства, причинявшего столько скандалов и жизненных неурядиц. Кому было приятно смотреть на вернувшегося с работы пьяного отца, успевшего «сообразить на троих»? Кому были по душе семейные ссоры, сопровождавшие подобные «загулы»? Да и обычные праздничные гулянки, где шумело веселье, и водка лилась рекой, всегда таили в себе ряд самых непредвиденных мерзких эксцессов, возникавших на почве все того же опьянения. Нормальные в трезвом состоянии люди под воздействием горячительного вдруг становились совершенно неузнаваемыми, вытворяя иной раз такое...

Короче, пьянство недвусмысленно и общезначимо воспринималось как зло даже теми, кто во время праздников под одобрительный гул опрокидывал рюмашку (а то и целый стакан) сорокоградусной. Мог ли ребенок связать сие действие с желанием опьянеть? Наоборот, мне казалось, что взрослым самим неприятно и досадно оттого, что в итоге кое-кто из них из-за таких возлияний становится, что называется, «на рога». Так или иначе, я пришел к выводу, что опьянение есть некий нежелательный «побочный эффект» употребления в целом приятного (на вкус взрослых) напитка. В общем, я все-таки решил, что водка, должно быть, вкусная, коль ее так неизменно потребляют в праздничные дни. Ну а то, что во время ее приема морщатся и строят гримасы, пришлось списать на некую специфику этого загадочного напитка. Было бы невкусно, не пили бы – так я рассудил.

Свое наивное заключение я как-то высказал одному знакомому взрослому человеку, уже тогда испытывавшему симптомы водочной наркозависимости. «Вот было бы хорошо, если б от водки не пьянели» - поделился я своей простой детской мечтой. Действительно, хорошо! Не было бы той пьяной дури, скандалов и драк, что так часто завершали обычную русскую гулянку. Да и семейное благополучие не сотрясали бы периодические разборки по поводу незапланированных «загулов» одного из родителей. В общем, эти простые «аргументы» в пользу «трезвой» водки я и высказал своему знакомому. На что получил шокирующее откровение: «Если водка не будет опьянять, на кой она тогда нужна?» - искренне посмеялся он над моей простотой. Как можно было реагировать на такое признание? «Алкаш» - подумал я. Разумеется, желание опьянеть могло быть только у презираемых «алкашей». Другой версии у меня быть не могло, поскольку она в точности соответствовала тому, чему учили нас взрослые, в том числе и наши родители. Можно ли было вообразить, что и они во время праздников пили водку ради этого самого - ради опьянения, ради того отвратительного скотского состояния, что каждый из нас мог наблюдать где и когда угодно? Нет, с такой мыслью смириться было трудно. Поэтому я упорно придерживался своей детской теории «побочного эффекта». Вкусная она, должно быть, вкусная! Все проблемы из-за перебора. Ведь и перебирают, похоже, потому, что... вкусная.

Таким образом, круг моих детских размышлений на этом замыкался. Я, конечно, пытался найти объяснение для некоторых странностей. Упомянутые гримасы отвращения, что наблюдались у взрослых во время принятия спиртного, я вскоре начал объяснять как некое ритуальное действие, которое каждый пьющий выражал более или менее активно, а иной раз и не выражал вовсе (бывали, как я заметил, и такие случаи). Было ясно, что водка – напиток особенный, и пить его, выходит, нужно по-особенному. Потому тут и чокаются, и здравницы произносят. Стало быть, морщатся и кряхтят по той же причине. Ритуал такой, в общем.

Я обратил внимание на то, что водку пьют непременно залпом и почти всегда – с закрытыми глазами. Вот это мне особо запомнилось. Я не понимал, почему закрывают глаза, но был уверен, что «так положено». И все остальное, все эти гримасы и горькое послевкусие тоже были, на мой взгляд, из того же ряда. Помню, что один из моих дядюшек пил всегда с открытыми глазами. Это выглядело странно, и потому я решил, что он пьет водку

«неправильно», то есть не совсем точно соблюдает ритуал. А кроме того, находились иной раз и такие гуляки, что вообще не морщились. Данное обстоятельство воспринималось мной как нечто из ряда вон выходящее.

Собственно, на такой почве я выстраивал объяснения и женских кривляний во время питья. Некоторые женщины, как я успел заметить, перед началом гулянки делали вид, что пить водку совсем не хотят, что им как-то это противно, как-то неловко, неудобно: «Ох, уж и не знаю, как-то не идет она мне, ну, как-то прям... не хочется...». Потом все-таки опрокидывала рюмашку, после чего уже не ломалась. Здесь я тоже усмотрел ритуальный момент. Интуиция мне подсказывала, что выпить барышня не прочь, но помолиться надо – ритуал обязывает. У нас, у русских, вообще ломаться принято. Кривляемся по разным поводам. Примеров сколько угодно. Такая национальная привычка. Сколько раз в детстве я наблюдал забавную картинку, когда кто-то из взрослых возвращал своим родным или знакомым какой-нибудь мелкий денежный долг. Тот, кто одалживал, частенько разыгрывал стандартную роль бескорыстного жертвователя: «Да нет, не возьму, да чего ты, в самом деле, не надо, убери...». Но должник, как всегда, тоже оказывался человеком бескорыстным и чужого присваивать не хотел. Потому он категорически настаивал: «Нет, еще чего - возьми... возьми!!!». Длилась эта трогательная сцена иной раз до десяти минут, а то и больше. В итоге должок всегда возвращался, поскольку должник всегда был неумолим. Но покривляться успевали вволю обе стороны.

Такие сцены я наблюдал чуть ли не каждую неделю, так что водочному ритуалу нисколько не удивлялся. К ритуалам мы были привычные. Вот и гримасы отвращения, все эти фырканья во время питья были вполне характерны для нашей социальной среды с ее особыми традициями. Ну, принято немножко помолиться, прежде чем опрокинуть рюмку. Чего там удивительного, если задолженный рубль иной раз забираем с таким видом, будто нас это оскорбляет. Так же, похоже, и с водкой: пьют ее, потому как нравится, но принято делать вид, что противно. В том случае, конечно же, если выпивали «правильно».

Короче говоря, мои объяснения выстраивались вполне гладко. Единственное, чего я никак не мог понять, так это тот самый «побочный эффект», из-за которого возникало столько проблем. Почему водка так дурно влияет на голову, я объяснить не мог. Впрочем, учитывая то обстоятельство, что опыта опьянения я тогда не имел, а значит, и не имел ни малейшего понятия насчет удовольствий такого рода, я особого внимания на данной теме не заострял. Мне было достаточно упомянутых «вкусовых» объяснений. Но окончательно успокоиться ими было нельзя, ибо во всем водочной действительности присутствовало что-то странное и как-то четко между собой связанное: ритуальные жесты и гримасы, питье залпом и последующее опьянение. Как бы взрослые на словах ни относились к пьянству, финал любой гулянки был всегда предсказуем: как минимум половина гуляк под конец застолья все-таки «становилась на рога». Связь между водкой и пьяным состоянием выглядела столь отчетливой, что игнорировать ее было невозможно. Рано или поздно ты приходил к однозначному выводу: пьют ее, родимую, только ради вот этого самого пьяного состояния. И ни для чего другого!

От моих детских «вкусовых» объяснений не осталось и следа после того, как я впервые – тайком от взрослых – из любопытства отхлебнул из рюмашки с водкой. Было мне тогда лет тринадцать. Конечно, в то время я уже прекрасно понимал, что от водки стараются быть пьяными. Тут все уже было очевидным. Но я и представить себе не мог, что водка такая противная на вкус! Да, именно таким было мое первое ощущение, когда я сделал тот запретный глоток: противно! Только тогда я отчетливо сообразил, что все кривляния и фырканья во время гулянок раздаются совершенно искренне. Ну, какая-то доля ритуальности присутствует, но возникли такие гримасы далеко не на пустом месте. Что бы мы там ни говорили, но факт остается фактом: бесцветная жидкость, именуемая водкой, сама по себе противна на вкус. Противна уже по первому ощущению. И, я полагаю – для всех, кто ее хоть раз пробовал. Так что если ее и пьют, то удовольствие ищут не во вкусе, а в другом – в том самом, как мне казалось, «побочном эффекте». А правильнее – в прямом эффекте, без всяких кавычек. Опьянение как «побочный эффект» может быть у хороших вин, коньяков, ликеров и даже пива. А вот у водки опьянение является самым что ни на есть ПРЯМЫМ ЭФФЕКТОМ. И никак иначе. Такова, если хотите, принятая у нас концепция, главная потребительская «формула» сего напитка. Но осознаём мы данный факт не до конца. О том и пойдет речь.

В самом деле, только к нашей водке применима ситуация, когда, видите ли, «плохо идет» первая рюмка. Кто никогда не участвовал в шумных попойках, тому не понять, что значит «плохо идет». Как мы знаем, чтобы рюмка «шла хорошо», нужен ОПЫТ ПОТРЕБЛЕНИЯ. Новичок может запросто поперхнуться. Да и не только новичок. Иногда даже опытным выпивохам приходится останавливать вынужденный кашель: «Чего-то не пошла-а-а... ух!». Поперхнуться во время столь серьезного мероприятия – это как получить производственную травму. Всегда можете рассчитывать на сочувствие.

Впрочем, ладно бы рюмка. Тут питье выглядит, как-никак, интеллигентно. А вот если разом хлопнуть целый стакан. Раньше простые мужики, как я уже отмечал, по-другому и не выпивали. Кое-где в деревнях до сих пор так по стаканам и разливают. Вот тут испытание так испытание! Не можешь одолеть целый стакан, то какой же ты мужик? Слабак. Кто из нас, хоть раз по молодости коротавший время в провинции, не погружался в атмосферу суровых мужских застолий? Коль сидишь за общим столом со взрослыми мужиками, то и пить должен по-взрослому. Так у нас считалось. И уж если налили тебе полный стакан, то не дрейфь, дружок. То есть – не поперхнись.

Впрочем, вопрос не в том, сколько наливают. И даже не в том, что жидкость сию принято пить залпом. Простые и неприхотливые мужики везде и все времена любое спиртное потребляют залпом – хоть водку, хоть брагу, хоть коньяк, хоть шампанское. Это как у Герцена описан случай, когда обычный мужичок выпил залпом бокал благородного французского вина и крикнул с восторгом: «Хороша, мадерца!». Понятно, что с простых мужиков спрашивать-то нечего – их так научили. Тут уж, как говорится, вопрос культуры. А вот что касается водки, то проблема здесь в том, что ПО-ДРУГОМУ ПИТЬ ЕЕ НЕВОЗМОЖНО В ПРИНЦИПЕ – наливайте вы ее хоть в стакан, хоть в наперсток. Смака никак не получится. Смаковать-то просто нечего! Потягивать потихоньку пивко наши мужики как-то научились. Бывает, что и шампанское смакуют. А вот с водкой так не пройдет – даже у интеллигентов. Не для того она и предназначена, и ни с каким специфическим вкусом, требующим привыкания, это несколько не связано. Привыкают не к ее вкусу, а, если хотите, к ее усвоению, к умению выпить и не поперхнуться. Каждый новичок проходит такую тренировку под руководством опытных товарищей: выдохнул – выпил – вздохнул - закусил. Вот стандартная схема приема нашей сорокоградусной. И по-другому не получается ни у кого. Кто ее отхлебывает маленькими глоточками, тот воспринимается просто как извращенец.

В том-то оно и дело: смаковать водку - то же самое, что смаковать хинную настойку или рыбий жир. Потому-то и пьют залпом, чтоб «хорошо пошла». Кому придет в голову перед приемом внутрь – как в случае с коньяком - с наслаждением вдыхать водочный «аромат» или, сделав глоток – как в случае с хорошим вином – раскатывать его во рту, наслаждаясь вкусом? Хотите поэкспериментировать, извольте. Хотя многие из нас по опыту знают, что вдыхание водочных паров не только не вызывает наслаждения, но вдобавок серьезно осложняет хорошее прохождение этой жидкости. Наоборот, опытные выпивохи знают, что обонятельные рецепторы в момент поглощения оной следует вообще на мгновение заблокировать. Оттого и задерживают дыхание, чтобы этих водочных паров не учуять. Можно ли назвать спиртовой дух «ароматом» - вопрос лингвистический. Какой бы чистой водка ни была – другого духа в ней не предполагается. То же и с вкусовыми рецепторами. Раскатывать водку во рту – значит просто провоцировать рвотный рефлекс. Тут даже и спорить бессмысленно.

Эту разницу в восприятии я осознал довольно рано и, что называется, на собственном опыте, без всяких книжек. Так случилось, что в одиннадцать лет мне удалось выпить целый бокал шампанского. Однажды на Новый год мой старший брат устроил в доме праздник со своими друзьями и подругами. Без родителей, разумеется. Предполагалось, что единственным дозволенным спиртным напитком на этом празднике будет только одна бутылка шампанского. Но, стоило родителям выйти за порог, как смысленные и закаленные в

молодежных гулянках советские десятиклассники махом выставили на стол бутылки с водкой. И поскольку в разгар новогодней ночи на меня – маленького пионера – никто из комсомольской братии особо не обращал внимания, я мог без всяких опасений цедить из узкого фужера благородный игристый напиток. Ни о каком опьянении – в отличие от своих старших товарищей, со знанием дела опрокидывавших рюмку за рюмкой – я, разумеется, и не помышлял. Но в эту волшебную ночь я сделал для себя интересное открытие: шампанское показалось мне несравненно вкуснее лимонада (а с чем мне еще было сравнивать?). Скажу, что это было нормальное, классическое советское шампанское, известное в ту пору даже за границей.

Так, собственно, определилось мое отношение к спиртному – я начал оценивать его как раз по его вкусовым достоинствам. Потому-то первый глоток водки, из-за которого у меня буквально перехватило дыхание, оказался разительным контрастом с теми ощущениями, что я получал, пробуя тайком хорошее (хотя бы по тем временам) вино. Водка явно не тянула на звание «вкусного» напитка. И привычка к ее потреблению, как я отчетливо осознал, складывалась на совершенно иной почве. Нормальное, настоящее вино вполне можно потреблять по аналогии с безалкогольными напитками, с чаем, например. Можно ценить его за вкус и аромат, запивать им еду во время обеда, совсем не думая об опьяняющем действии. Так, собственно, относятся к вину во многих традиционно винодельческих странах и регионах, где домашние вина позволяют пить даже детям. Где и жажду утоляют вином, нисколько не помышляя от этого опьянеть.

Но водку – какой бы она ни была по качеству – оказалось уместным пить либо для повышения тонуса, либо для достижения экстаза. И то и другое очень близко друг другу, отличаясь, разве что, количественно. Но подоплека одна – тот самый, упомянутый выше «прямой эффект», то есть воздействие алкоголя на сознание. Так что, наливая рюмку сорокоградусной, наши ценители «национального напитка» не преследуют иных целей, кроме как поднять себе настроение. Именно так: стимуляция хорошего настроения, воздействие на эмоции, а не на вкусовые или обонятельные рецепторы, – вот то главное, то основное, чего вы собираетесь достичь, заглывая совсем невкусную обжигающую жидкость. Вкус не важен – вас устроит хотя бы то, чтобы рюмка «хорошо пошла». Хорошая водка – не та, что вкусная, а та, что «хорошо идет», легко потребляется. А наслаждение – это не процесс, а результат.

По большому счету, в оценке спиртного можно руководствоваться как раз двумя разными принципами, не связанными между собой совершенно. Нельзя, конечно, сказать, что именно появление водки породило установку на достижение «прямого эффекта», а до этого все было культурно и пристойно. Связь тут обратная. Некоторые специалисты по истории алкогольных напитков отмечают, что уже в античную эпоху четко выявились две традиции, два отношения к потреблению спиртного. В теплых странах, как мы знаем, в ту пору пили вино, и как показывают исследователи, уже тогда отношение к нему не было одинаковым, что и нашло отражение в упомянутых традициях. Одну из них условно можно назвать «авраамической» (от библейского патриарха Авраама), другую – «дионисийской» (от имени бога Диониса). «Авраамическая» традиция, плавно перешедшая в христианство, воспринимает вино как часть обеденного стола, где оно присутствует наряду с хлебом и другими продуктами. Вино здесь потребляют вместе с пищей, как это часто делается с безалкогольными напитками, вроде того же чая, молока или русского кваса. Стремление опьянеть и испытать наслаждение от экстатического состояния, в рамках данной культурной парадигмы было чем-то сродни извращению и всегда порицалось морально.

Еще со школьной скамьи мы помним, что древние греки в обязательном порядке разбавляли вино водой. Пить его в чистом виде (как, например, это делали скифы) считалось варварством. Историки по-разному объясняют данный факт. Иногда его увязывают со специфическими особенностями греческого вина, которое без разбавления водой пить якобы было невозможно. Хотя ссылка на нравственные мотивы звучит куда убедительнее. Скорее всего, такой обычай наглядно отражает отношение патриархальных греков к пьянству. Здесь тоже в определенной степени присутствует «авраамический» мотив.

В то же время благодаря грекам мы имеем представление о дионисийских культах, связанных с ритуальным опьянением. Если верить Геродоту, то даже скифы, коих цивилизованные греки считали необузданными в пьянстве, испытывали шок при виде экстатических празднеств почитателей Вакха. Противоречий тут нет: ритуальные пьяные шествия имели отношение к ограниченной группе посвященных. В принципе, и само это действие не предназначалось для посторонних глаз. Популярность вакхических празднеств не может отменять того факта, что достаточно скромный быт жителей древней Эллады покоился на иных нравственных ценностях. мода на дионисийские культы распространялась определенной частью аристократической верхушки, теми, кого сегодня принято относить к творческой интеллигенции – философами, поэтами, драматургами и прочими мастерами словесного жанра. В данной среде, воспринимающей пьяный экстаз как некое священнодействие, как божественное состояние, и отношение к вину было иное.

Как указывают исследователи античного виноделия, у греков, помимо обычая смешивать вино с водой, была еще странная склонность добавлять туда всякие, на первый взгляд непонятные, ингредиенты. Чего только туда ни подмешивали! Кое-какие добавки, впрочем, отчетливо отражают особенности древней технологии, когда, например, в вино добавляли смолу, сыпали туда гипс или толченый мрамор. Тут, в общем-то, все более или менее понятно – так древние виноделы пытались сохранить свой напиток от порчи. А вот такие неожиданные компоненты, как сок плюща, сирийский ладан или галлюциногенные грибы типа мухоморов наводят на иные размышления. В данном случае указанные добавки использовались исключительно с одной целью – усиление опьяняющего, экстатического воздействия вина. Стоит ли говорить, что такие наркотические настои были в ходу только у искренних почитателей Вакха? Иначе говоря, вино, искусственно сдобренное галлюциногеном, выпивалось ради того самого прямого эффекта, как это происходит в случае с водкой.

Таким образом, не обладая навыками или средствами дистилляции, древние вакханы компенсировали малую дозу алкоголя дополнительными наркотическими примесями. Такое вот «крепленое» вино по-гречески. Было ли оно приятным на вкус, сказать мы не можем. Зато смеем предположить, что как раз в этом варианте вкус не имел никакого значения. Возможно, наркотические добавки имели тот положительный смысл, что не требовали для достижения вождельного экстатического состояния чрезмерных возлияний хмельной жидкости. Прирожденная умеренность греков сказалась здесь во всей красе. Варвары, пившие вино в чистом виде, вынуждены были опрокидывать чрезмерные дозы, хотя в обоих случаях цели были примерно схожи.

Нас, в данном случае, не интересует качество самого хмельного напитка. Крепким он был или слабым, с добавками или без, вкусным или противным – главное, что цель здесь, в принципе, оправдывала любое средство. Подчеркиваем – любое. Все, что дурманило голову, в конечном итоге оправдывало свое применение, даже если степень эффективности была не самой лучшей. Как говорится, чем были богаты, тем были и рады. Кому-то взбрело в голову вымачивать в вине мухоморы, и этот рецепт нашел, положим, применение. Но можно было и без мухоморов. Надо полагать, хмель в пиво наши предки-славяне тоже добавляли не из гастрономических предпочтений. То же самое касается пристрастий варварских народов к молодому, незрелому вину, насыщенному углекислотой. Считается, что такое вино быстрее «ударяет в голову». Естественно, если пить его залпом и помногу. Это тоже своего рода ритуальный напиток. Конечно, в его простом, варварском исполнении, а не в «аристократически-утонченном», с примесью откровенно наркотического зелья. Однако в любом случае чувственное восприятие не диктовало в таких делах никаких условий, учитывая, что речь шла о «священнодействии». Коль уж в жертву «божественному состоянию» приносился наш бренный земной организм целиком, то какую преграду такому энтузиазму могли составить органы осязания и обоняния?

Вспоминаю в этой связи эпизод из книги путешественника Георга Даля «Последняя река», прочитанной мной еще в подростковом возрасте. Автор описывает жизнь южноамериканского индейского племени гуарани, проживавшего в бассейне реки Ориноко. Известно, что многие дикие племена питают особую слабость к наркотикам и спиртному.

Описываемое в книге племя исключения в этом плане не составляло. Как пишет Георг Даль, по вечерам все мужчины племени рассаживались в специальном помещении, и начинали гонять по кругу большую чашу с кукурузной брагой – каждый отхлебывал несколько глотков и передавал соседу. Напивались, разумеется, до полной «отключки» – в чем и состоял, как мы догадались, весь смысл данного действия. По словам автора книги, ставшего невольным участником этих попок, хмельной напиток, которым с такой готовностью оглушали себя индейцы, по вкусу и запаху был отвратителен. Однако данное обстоятельство простодушных дикарей нисколько не смущало – для них такая пьянка была чуть ли не самой главной радостью в жизни. Собственно, чем еще можно было наслаждаться среди сумрачной сельвы, вдали от цивилизации? В то же время индейские женщины умели варить прекрасный ароматный кофе, но вряд ли он был напитком «для души». Чашу с кофе, в конце концов, по приказу вождя поднесли белому гостю, совсем, как оказалось, не настроенному совершать экзотические полеты в «иные миры» через рвотные рефлекс.

Вот здесь мы подошли к самому истоку обозначенной дилеммы – несовместимости двух указанных парадигм: в одном случае доминирует «пищевая» логика, в другом – логика наркотическая. Различие сформулировать не сложно: в рамках «пищевой» логики достоинства напитка совокупно определяются органами чувств, в рамках логики наркотической – его воздействием на наше эмоциональное и физическое состояние. Возьмем, например, такой совсем безобидный напиток, как чай. Его пьют и взрослые, и дети. Мы ценим его и за вкус, и за аромат, хотя в чае находятся наркотические вещества, вызывающие тонизирующий эффект. Но при совокупной органолептической оценке бодрящее действие чая не выносится за скобки и не рассматривается отдельно и изолированно от всего остального. Так, по крайней мере, воспринимают этот любимый у нас напиток нормальные люди, следующие принятым культурным стандартам. В то же время, как мы знаем, на основе чая можно приготовить убийственный настой, от которого и вскружит голову, и отобьет сон. Именно такое зелье готовят себе уголовники из обычной чайной заварки, когда кипятят ее в больших концентрациях. Это и есть пример наркотической логики, применимой к одному и тому же исходному напитку. Есть ли генетическая связь между первым и вторым? Совершенно нет.

Вот так же и со спиртными напитками. Если оценивать их с позиции «пищевой» логики, то придется принять во внимание всю совокупность компонентов, воздействующих на органы чувств. Если же использовать наркотическую логику, то на первое место выйдет только тот компонент, что обеспечивает экзотическое состояние. Как мы понимаем, речь в последнем случае идет о спирте, точнее, о его способности воздействовать на сознание. Причем, не имеет значения характер оценки – положительной или отрицательной. Главное – само признание определяющей роли хмельного компонента. Здесь-то как раз и сказываются культурные стандарты, закрепляющие какую-либо их указанных парадигм, делая ее легитимной в глазах широкой общественности.

Какая парадигма закрепилась в нашем обществе, догадаться не сложно. Приведу для иллюстрации характерный пример, взятый опять же из нашей действительности. Однажды в большом супермаркете я наблюдал за тем, как одна пожилая пара прохаживалась по винным рядам, растерянно разглядывая огромную галерею незнакомых этикеток. По количеству уже выбранных водочных бутылок видно было, что семья готовится к праздничному застолью, и теперь для разнообразия подыскивает кое-что более деликатное. Напомню, что в простых рабоче-крестьянских семьях вино у нас по сию пору рассматривают как «женский» напиток – ввиду его низкой крепости. Бывает так, что некоторым особам прекрасного пола совсем как-то не к лицу или не по здоровью пить сорокоградусную, поэтому и довольствуются вином. Так вот, логика в упомянутом случае была та же. Покрутившись возле винных рядов, супруги остановили свой выбор на каком-то дешевом суррогатном пойле в аляповатых бутылках. Как мы знаем, такой подкрашенной жидкости, издевательски называемой «вином», на отечественных прилавках полным-полно. Будучи ценителем настоящих вин, я хотел помочь своим соотечественникам сделать правильный выбор, указав на бутылку неплохого и недорогого молдавского «Каберне Резерва». На что последовала характерная реакция. Мужичок поглядел на меня с лукавой ухмылкой и выдал откровенный ответ, красноречиво подчеркивающий его потребительские запросы: «Нам качество не важно – для нас главное...

градусы». При этом, как мне показалось, он даже традиционно щелкнул своими пальцами ниже подбородка.

Картинка, надо сказать, типичная. В этой незамысловатой фразе простого русского мужичка содержится подлинная суть наркотической логики: главное – «градусы», то есть спирт, способный влиять на сознание. Все остальное, включая вкус и аромат, отодвинуто на задний план. Ясно было, что во время предстоящего застолья такое, с позволения сказать, «вино», тоже будут пить подобно водке – залпом, а может еще – кряхтеть, морщиться и закусывать. Производители подобных суррогатов отлично разбираются в потребительских запросах простых русских граждан. Как бы ни была уязвлена наша национальная гордость, но по этому поводу нельзя не согласиться с заявлением одного грузинского политика насчет того, что «в Россию хоть фекалии завози – все равно выпьют». Нужно, правда, было уточнить: фекалии с «градусами». Их у нас по всей стране развозят тоннами. Это, конечно, метафора, но она весьма красноречива: «фекальная» нота в спиртных напитках наших дорогих соотечественников смущает далеко не всегда, даже если ощущают ее в буквальном смысле.

Как когда-то, в советские годы, рассказывал один мой близкий родственник – тогда еще учащийся техникума – о своих деревенских попойках: «Один раз набрали мы настойки «Аромат степи», которая говном пахнет. Правду говорю: открываешь, а оттуда натурально говнищем несет. Так вот, набрали мы ее...». Понятно, что столь специфический «букет» молодых гуляк особо не смутил. Главное ведь – «градусы». Все остальное – неинтересная прелюдия. Лучше, конечно, когда без вони, но если выбора нет, то у нас глотают то, что придется. Путь к экстазу, как мы понимаем, может быть прямым и просторным, а может – тернистым и неухоженным. Вариантов на сей счет много. Но всегда нужно понимать, что взыскующий «божественного состояния» готов переползти через любые буреломы, не щадя своего организма. Это уже давно установленный факт, подтверждаемый и медиками, и историками.

Навязчивый интерес наших соотечественников к «градусам» наглядно свидетельствует в пользу торжества наркотической парадигмы. Потребление спиртного у нас по сию пору имеет черты коллективного «священнодействия», сопровождаясь целым набором характерных ассоциаций. На этом построен весь отечественный алкогольный юмор. Иной раз выпить по поводу и без повода преподносится как «дело святое», а отказ от выпивки – как «грех». Может, это все обычные метафоры, однако они весьма красноречиво говорят о настрое общественного сознания наших «дорогих россиян». Помню, как один пожилой соотечественник задал сакраментальный вопрос продавцу маленького продуктового магазинчика: «А для души у вас что-нибудь есть?». Дополнительных разъяснений, конечно же, не понадобилось. Любой русский продавец знает, что в продуктовых магазинах «для души» продается только водка, точнее – что-нибудь «с градусами».

Как мы понимаем, такой душевный настрой легко оправдывает потребление спиртного, в каком бы виде они ни предлагалось. К сожалению, данное обстоятельство действительно перерастает в подобие национальной традиции, порождая порой курьезные и досадные примеры наших варварских пристрастий. Несколько лет назад по телевидению прошел сюжет о российских миротворцах, служивших в составе многонациональных сил. Так вот, западные командиры с удивлением отмечали случаи, когда солдаты из России «тырили»... медицинский спирт. И это при том, что в распоряжении миротворцев был богатый выбор качественных алкогольных напитков – коньяка, виски, джина, натуральных вин. Европейцы недоумевали: почему это русские парни, вместо того, чтобы просто сходить в приличный бар, прямо в казарме «глушат» украденный спирт? Для нас же такой сюжет – просто классика! В сознании сразу всплывают советские фильмы про войну, где вино и коньяки пили только лощеные штабные нацисты, советские же офицеры обычно прямо в землянках согревали свое тело и душу как раз медицинским спиртом.

В действительности, хотим мы того или нет, но такие пристрастия целиком укладываются в нашу наркотическую логику: ведь спирт – это «градусы» в их чистом виде! Русские парни просто выбрали САМЫЙ ПРЯМОЙ путь к экстазу. Зачем покупать стакан дорогого виски, если тот же результат вам обеспечит полстакана «халявного» спирта? Чему тут удивляться, если в их глазах весь изысканный ассортимент приличного бара сводим

исключительно к «градусам». В таком сознании виски, коньяк или вино – всего лишь спиртосодержащие жидкости, не обладающие какими-либо иными, дополнительными достоинствами. А потому чистый спирт воспринимается тут как некая квинтэссенция, прямо ведущая к цели питания.

Возможны, конечно, и «обходные маневры», когда малое количество «градусов» компенсируется большим количеством выпитого. Тут все зависит от обстоятельств. Про советских моряков-подводников рассказывали, будто полагаемую им суточную дозу красного сухого вина они в порядке очередности передавали кому-либо из своих товарищей, чтобы каждый член экипажа время от времени мог от души «нарезаться». Сомневаться в правдоподобности таких историй не приходится, ибо они тоже согласуются с торжествующей в нашем общественном сознании наркотической логикой, как и рассказы о кражах медицинского спирта. В красном сухом вине простые русские ребята, воспитанные в духе нашей водочной традиции, также оценили исключительно «градусы». Сухое вино, конечно, не самая лучшая альтернатива медицинскому спирту, но тут опять, как говорится, чем богаты, тем и рады.

Спирт, безусловно, ценится здесь не сам по себе, а только за свое экстатическое воздействие на сознание пьющего. А потому, собственно, не важно, как на него реагируют вкусовые и обонятельные рецепторы. Особенность наркотической логики такова, что в поисках экстаза возможны, так сказать, и самые экстремальные варианты. Человек, сосредоточенный на «градусах», ПОТЕНЦИАЛЬНО К ТАКИМ ВАРИАНТАМ ГОТОВ, какими бы последствиями для организма это ни оборачивалось. Прием «на грудь» всяких суррогатов – это еще одна классика жанра. У нас данная тема давно уже раскрыта и обыграна в самых разных контекстах. Страждущая душа готова извлекать «градусы» хоть из тормозной жидкости, а если придется, то прикладывается к тому, что даже к спирту не имеет прямого отношения. Такие перекосы закономерны и неудивительны. Коль уж античные поклонники Вакха не гнушались настоем мухоморов, то что тут удивляться неприхотливым российским выпивохам, которые в обстоятельствах острой нехватки спиртного могли приложиться даже к дихлофосу.

То, что в стране Советов пьяницы иной раз «догонялись» одеколоном, известно многим. Когда не хватало денег на «сорокоградусную», в ход могла пойти любая спиртосодержащая жидкость. Самое интересное, что в ряду суррогатов одеколону отводили самое почетное, так сказать, место. Считалось, что принимать внутрь спиртованную косметику не более опасно, чем, скажем, пить самогон. К одеколону и лосьонам в советские времена прикладывались даже некоторые старшеклассники. Причем, особой патологии в этом никто не усматривал. К такому опыту относились как к шальной забаве молодости, тем более что причина считалась в каком-то смысле «уважительной». Как-никак, ребятам нужно было «догнаться». А тут принимались любые средства, в том числе и экстремальные. О таких «догонялках» потом рассказывали как об увлекательных и опасных приключениях молодости, пополняя такими рассказами коллекцию нашего алкогольного фольклора.

Подобные картинки, кстати, я тоже наблюдал с раннего детства. Помню, как наш сосед, будучи в состоянии сильных «отходняков», выпросил у родителей флакон «Тройного», и тут же, на кухне, выдул его залпом. Простые мужики «поправляли здоровье» очень часто чем придется. В начале 1970-х в ход могло пойти даже... шампанское. Тогда его почти никто не брал из-за несоответствия между ценой и процентным содержанием спирта. Шампанское нередко свободно стояло на прилавках даже в маленьких провинциальных магазинчиках. В те годы на него никто особо не зарился, но иной раз случалось так, что в условиях отсутствия на прилавках водки или чего-нибудь «крепленого» обычные работяги, томимые похмельным синдромом, скидывались с утра на благородный напиток. С той же целью в сходных обстоятельствах могли распить и бутылку сухого вина. Это в лучших случаях. В худших дело доходило и до «Тройного». В 1980-е пьющая братия уже воспринимала его почти как напиток. Такой же популярностью стал пользоваться лосьон «Огуречный», пахнувший свежими огурцами. О нем даже шутили: мол, выпивка и закуска в одном флаконе.

Говорить о том, что одеколоны и лосьоны выпадали на долю исключительно опустившихся люмпенов, «алкашей», не приходится. Таким зельем, как мы заметили, не

брезговали даже вполне нормальные представители советского рабочего класса. В провинции вкус одеколona, как мы отметили, знали и некоторые старшеклассники, кои потом без проблем находили свое место в жизни, пусть и не самое престижное. Если уж говорить об алкоголиках, то их организм подвергался порой таким испытаниям, которые по законам биологии кажутся несовместимыми с возможностью выжить. И тем не менее... Про денатурат, политуру, стеклоочиститель где уже только ни упоминалось. Здесь тоже своего рода классика. Другим ходовым суррогатом был универсальный клей, известный под обозначением БФ. Советские алкоголики не особо мудреным способом научились извлекать из него спирт: ставили на плиту, насыпали соль, потом долго размешивали ложкой, собирая на нее в комок клеящий состав. Еще более простой способ использовался при извлечении «градусов» из тормозной жидкости: на трескучем морозе тормозную жидкость лили тоненькой струйкой на железный лом, отделяя от незамерзающего спирта посторонние ингредиенты, прилипавшие к холодному металлу.

Эту народную смекалку даже обыграли в популярном советском фильме о молодых военных летчиках. Любимая нами кинодрама не только внесла свою лепту в пополнение современного алкогольного фольклора, но и наглядно показала, что от ста грамм «наркомовских» до «ликера» из тормозной жидкости – очень короткий путь. Я не знаю, есть ли такие сюжеты в зарубежном кинематографе, однако красноречиво уже то, что отечественные творцы ничего подобного не выдали в отношении ненавистных супостатов. В каком бы неприглядном виде ни изображали фашистов, нигде они не оказались замеченными в потреблении суррогатов. Даже наоборот, очень ярко выпячивается их любовь к качественному спиртному – дорогим винам и коньякам. Зато свои родные русские парни – военные летчики, офицеры - занимаются извлечением «градусов» из тормозной жидкости, и никому не приходит в голову углядеть в сем действии ужасный порок. Конечно, можно сделать поправку на войну, но ведь и фашисты тоже вроде бы как воевали. И где тот проклятый киношный фриц, что балует себя аналогичным зельем?

Не важно сейчас, как все выглядело на практике. Может, и немцы тоже баловались чем-то нехорошим. Докапываться до мелочей не станем. Главное то, что образ молодого русского летчика, готового «принять на грудь» спиртосодержащую отраву не вызывает отторжения. Вполне симпатичные ребята. И заметьте: представить этих жизнерадостных парней аристократично смакующими коньяк просто невозможно! Хлопающих залпом спирт из граненого стакана – да, но наслаждающихся букетом – нет! Невозможно совершенно! Потому как питье залпом и извлечение «градусов» из чего угодно – генетически связанные явления. И находятся они в единой культурной плоскости, в рамках единой парадигмы.

Конечно, варварский способ потребления спиртного – не есть черта, специфически русская. Подчеркиваю данное обстоятельство специально. Это явление ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ, и не в таком уж далеком позапрошлом даже во Франции простой народ понятия не имел о букете вина или коньяка. Надирались по-простому, и зачастую чем попало. Так было в разные времена и у всех народов. Немцы, например, слыли когда-то самыми заядлыми пьяницами - как сегодня это принято думать о русских. Живущие в Эльзасе французы очень нелестно высказывались о своих немецких соседях: мол, если видишь на улице валяющегося пьяницу, то не нужно спрашивать о его национальности – и так понятно, что это немец. Недаром Мартин Лютер говорил о своих соотечественниках: «Наш немецкий дьявол – добрая бочка вина». Голландцы в ту пору отличались не только своей предприимчивостью, но и склонностью к шумным и безрассудным попойкам. Англичане тоже успели отличиться пристрастием к хмельному зелью. В XVIII веке страну буквально захлестнула «джиновая холера». Простые жители Лондона спивались прямо на глазах. Впрочем, чего уж там говорить о простонародье, если в том же столетии английские аристократы похвалялись способностью принимать алкогольные напитки в немереных дозах. Очень почетно было быть «трехбутылочным джентльменом» (по количеству выпитых за раз бутылок портвейна), еще почетнее – «шестибутылочным». Забавные миниатюры тех лет бесстрастно иллюстрируют особенности времяпрепровождения членов тогдашних элитных клубов: пьяные вдрызг седовласые лорды, извергающие блевотину в специальные приготовленные ведра, ничуть не уступают по комичности героям «Национальных особенностей охоты». Да и сегодняшние

англичане, поляки или финны иной раз могут повергнуть в шок своими разгулами и выдавшего виды русского человека.

Все это так. Но есть один принципиальный момент. По мере социально-экономического развития европейская элита вырабатывала новые образцы так называемого культурного поведения, несовместимого с бурными возлияниями спиртного. Постепенно эти стандарты стали восприниматься как некий особый признак приличного человека, отличающегося от необразованной и грубой черни. Джентльмен викторианской эпохи уже не гордится своими пьяными рекордами, все больше напирая на сдержанность, порядочность и рассудительность. Приличный человек сосредоточен на качестве, которое, как мы знаем, находится в обратной зависимости с количеством. Собственно, именно элитное потребление, заложившее основы современного «культурного питания», сформировало спрос на благородные напитки, ценимые исключительно за вкусовые и ароматические достоинства, но никак не за способность ударять в голову. Уже в средние века французские короли и римские папы создали моду на тонкие бургундские вина. Английские аристократы внесли вклад в повышение качества вин из Бордо. У себя на родине англичане добились того, что непритязательная сивуха, именуемая «виски», стала дорогим респектабельным напитком. Такую же эволюцию совершил английский джин, превратившись из пойла для бедняков в нечто вполне изысканное.

По большому счету, элитные напитки задавали некий эталон качества, который в конечном итоге влиял и на тех производителей, что ориентировались на массовый спрос. Сегодня даже обычный француз или итальянец вряд ли станет потреблять то, что каких-то столетий назад было нормальным для его предков. Вино, бывшее в ходу у итальянских крестьян еще до войны, в наши дни, скорее всего, будут сравнивать с уксусом. Точно так же трудно представить простого англичанина, вздумавшего в целях опьянения хлебать стаканами джин Gordon's. И дело даже не в умонастроениях людей, а в том, что современный джин совсем не ассоциируется с попойками, как это было двести лет назад. Не для того создавался тот же Gordon's, чтобы им надирались до беспамятства. В общем, чудесное превращение Золушки в принцессу налицо.

О подобном перевоплощении низкосортной дряни в благородные марки мы еще подробно поговорим в других главах. Здесь же обратим внимание вот на что. Качественные изменения упомянутых спиртных напитков напрямую связаны С ИЗМЕНЕНИЕМ САМОЙ ПАРАДИГМЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ. Если в XVIII веке англичане пили джин исключительно ради «градусов», то сегодня в этом напитке ценят его ароматическую гамму, без чего он не может считаться джином. То же самое произошло с виски и коньяком. В общем-то, гнать спиртное уже вовсю умели пятьсот лет назад. И понятное дело, что простой народ в новоявленном обжигающем зелье в первую очередь отметил именно «градусы». Букет пытались в нем распознать только культурно рафинированные представители элиты. И собственно там, где интерес к букету оказывался выше интереса к «градусам», и происходило упомянутое чудесное перевоплощение. В принципе, здесь все просто.

Какое всё это имеет отношение к русской водке и особенностям нашего современного питания? Самое прямое. Дело в том, что эволюция «исконно русского» спиртного напитка осуществлялась строго в рамках рассмотренной выше наркотической парадигмы. Иными словами, нашу знаменитую водку «улучшали» совсем не ради букета, а именно ради распроклятых «градусов». Конечно, европейские интеллигенты нередко используют «Столичную» для коктейлей, однако в России такой вариант воспринимается как снобизм и пижонство. Да и думайте, что хотите, но нет в русской водке никакого букета. Нет просто потому, что здесь он даже не замышлялся и не предполагался. «Градусы» и только «градусы» в их чистом, явном виде - вот чем она так хороша и так привлекательна для широкого круга потребителей, невзирая на их статус, происхождение и культурный уровень. Бедные и богатые, неучи и интеллектуалы - все они ценят и любят родимую только за ее способность легко и в больших количествах пропускать в организм одуряющую спиртовую компоненту. Эволюция водки как раз шла в направлении снижения риска похмельного синдрома, то есть исключительно для пьяного веселья. Вот почему иной любитель выпить может зараз поглотить литр сорокоградусной, а наутро выглядеть огурчиком. Или почти огурчиком. Попробовали бы вы хлопнуть такое же количество коньяку, а наутро подняться с легкой головой. Нынешние

мастера водочных дел прекрасно знают настрой отечественного потребителя. Вот почему на этикетках некоторых современных марок так прямо и пишут, что, дескать, от нашего продукта большие «отходняки» вам не угрожают. Короче, пейте сколько влезет!

«Сколько влезет» - это по-нашему. И это как раз про водку – нашу знаменитую, нашу необычайно чистую водку. Насколько такая чистота связана с национальным здоровьем, вопрос отдельный, и мы подробно его затронем в соответствующей главе. Но прежде чем начать этот разговор, необходимо разобраться с теми, кто посодействовал созданию не самых полезных – с социальной точки зрения – мифов о русской водке. Почти парадоксально выглядит то обстоятельство, что ее достоинства солидарно с простым народом отстаивают те, кому по статусу и образованию надлежало бы задать, мягко говоря, иные потребительские ориентиры. Ан нет – с патриотическим пылом создают и тиражируют сомнительную аргументацию в пользу преимуществ нашего «национального» хмельного достояния (перед басурманской нечестью, разумеется). Французы, конечно, тоже создали кучу мифов о своих «непревзойденных», «исключительных» и «неповторимых» винах, равных коим якобы нет и не может быть в принципе. Но это все, как мы понимаем, обычный маркетинг, помноженный на французскую заносчивость и веру в свое культурное превосходство.

У нас тоже речь идет о превосходстве, только здесь наши водочные апологеты возвели в высочайшую добродетель не любовь к благородному изяществу, а незамутненную любовь к химически чистым «градусам». Именно химически чистым, не больше и не меньше. Причем, преподносятся такие патриотические откровения не без пафоса. Типа, по-другому не пьем и пить не будем, и виски со льдом – совсем не для нас. И в том будто - наша сила и превосходство. Гордимся собой, короче. Гордимся «непревзойденно чистой» своей сорокоградусной и своим умением пить ее «по-русски».

Как мы увидим далее, подобная апологетика очень хорошо срабатывает на укоренение наркотической парадигмы, которую - сознательно или нет – теснейшим образом увязывают с нашей национальной традицией. И как иначе? Если следовать распространенной версии о происхождении русской водки, то получается, что наш народный гений многие столетия стремился к тому, чтобы избавить вождельные «градусы» от всяких примесей, мешающих напиваться легко и без тяжелых последствий. Разве не сродни это мечте наркомана, которого в наркотиках больше всего не устраивает одно – тяжкие последствия? Так и в случае с русской водкой. Ничто, оказывается, так не заботило отечественных капельмейстеров, как противный сивушный дух, стоявший преградой на пути легкого и беззаботного питья. И будто бы только у нас объявили этому духу беспощадную войну, добившись окончательной и бесповоротной победы, больше нигде не достигнутой. Вот так и развивалась наша водочная традиция, дав якобы уникальный и, конечно же, неповторимый продукт, до создания которого не дотянуться никому в мире. Нет, мол, у басурман на то никаких средств, ни навыков, ни опыта, ни смекалки, ни знаний. Этот миф у нас очень популярен, тиражируется на все лады и, в каком-то смысле является предметом национальной гордости.

Не удивлюсь, что когда закончится эйфория по поводу «лучших в мире» самолетов и танков, миф о лучшей в мире водке продолжит согревать сердца соотечественников. До тех пор, конечно, пока они не пересмотрят свои приоритеты и не поймут, что «лучшее» для наркомана не есть хорошее для нормального человека.

Вас не удивляет этот странный, на первый взгляд, парадокс: мы так гордимся чистотой нашей водки, что при ее отсутствии без особых напрягов способны перейти даже на вонючий технический спирт? Похлебкин прав в том, что в случае с водкой нужно вести речь не о «желудке», а именно о сознании. Точнее, о склонностях к периодическому изменению этого сознания известным способом. Водка-то, как считается в народе, как раз и создана «для души», о чем мы уже говорили. Каким путем она появилась на нашу голову в таком неповторимо «чистом» виде, мы поговорим в отдельной главе. А пока уделим внимание загадочной русской душе, проникнутой любовью к такой чистоте.

«Да не надо пить красное, лучше выпейте беленькой» - такую сентенцию можно услышать почти на любом русском застолье. До сих пор еще во многих семьях считается самым правильным выбором пить именно «беленькую». То есть водку. «Красным» в нашем народе чаще всего называют вино или нечто, считающееся вином. Иногда так называли какие-нибудь настойки. В общем, все то, что не дотягивало до водочной крепости и имело цвет. Даже белый (по классификации) портвейн и тот попадал в категорию «красного» за его янтарно-луковичные тона. К коньяку, правда, у нас относились с некоторой долей уважения в силу его крепости и дороговизны, долгое время искренне считая его «нашим», отечественным напитком. Хотя при строгом подходе и коньяк неодобрительно сравнивали с самогонном, недоумевая при этом по поводу его высокой цены. А вот к вину трепетного отношения не было совершенно. В ритуально-праздничном варианте оно всегда было на вторых ролях - для жеманных дам или слабаков-интеллигентов. Что касается «нормальных» мужиков, то они выбирали его только в крепленном (по-советски) варианте, причем исключительно в качестве вынужденной и дешевой (а соответственно и не очень хорошей) замены сорокоградусной.

В понимании простого русского человека вино до сих пор есть напиток не только «несерьезный», но еще и «вредный». Подобные наставления я слышал с детства. Глубоко в суть вопроса, конечно, люди не вникали. Многих, как помню, сильно смущал цвет вина. Почему-то считалось, что красным оно становится из-за красителей, конечно же – «вредных». «Химия», одним словом. В последнее время такие подозрения усилились по вполне объективным обстоятельствам. Сомнительных вин с настоящей «химией» стало неприлично много. Это дает основание даже вполне солидным и интеллигентным дядям и тетям с уверенностью заявлять, будто в нашей стране «настоящего» вина купить невозможно, и что на прилавках стоят одни сплошные химические суррогаты. Вывод отсюда напрашивается один – пейте только водку, ибо она единственно «чистая» и без всякой «химии». Такие откровения я тоже слышал с детства, причем довольно часто.

Еще в школьные годы, в разгар какого-то застолья я уговорил старшего брата тайком нацедить мне немного винца. Вместо этого он принес мне рюмку водки, проявив тем самым (как выяснилось) «заботу» о моем здоровье. «Пойми, - сказал он, - водка – самая чистая и безвредная. А в вине полно химии и всяких красителей». Конечно же, сам он услышал эту версию от старших родственников. На меня, помню, такие замечания впечатления не произвели. Однако для многих моих сверстников, воспитывавшихся в схожей атмосфере, бытовые наставления о свойствах спиртных напитков становились аксиомами.

У нас часто можно встретить вполне, вроде бы, приличных и вменяемых людей, изрекающих сентенцию по поводу того, что они, дескать, пьют только водку, а потому чувствуют себя превосходно. Думаю, любой из нас слышал что-либо подобное. Для начала, конечно, я бы предложил сравнить количество таких здоровяков с количеством тех почитателей водки, что не дожили и до пятидесяти лет. А что касается здоровья, то не думаю, что почитатели вин и коньяков все как один доводят свой организм до изнеможения. Тут у нас, как всегда, путают местами причину со следствием. Есть, например, здоровые и крепкие мужики, способные на потеху публике разбить о свою голову кирпич. Но не смешно ли было бы слышать, будто они такие здоровые именно оттого, что сотрясают свои мозги кирпичами, а не играют в шахматы, и потому, мол, и не похожи на тщедушных шахматистов? Говоря о водке, правильнее было бы рассуждать по-другому, выстраивая умозаключение с обратного конца. Примерно так: «Поскольку я здоровяк от природы, то мой организм без тяжелых последствий переносит вливание сорокоградусной». Ведь именно таким образом все и обстоит на самом деле. Однако на нашей почве подобное положение вещей лукаво повернули в пользу «беленькой».

Представление о «безвредности» русской водки – это, пожалуй, самый устойчивый национальный миф. Уж чего-чего, но тут мы утерли нос всем. Коньяки и виски – «самогонка», джин – «одеколон», вино – «химия», и только наша водка – единственно достойный продукт. Эта нехитрая истина транслируется от поколения к поколению, и как видим, даже маститые исследователи приложили свою руку к ее «научному», так сказать, обоснованию. Именно

поэтому наблюдается такая потрясающая общественная солидарность в плане оценок «исконно русского» напитка. И простые рабочие, и кафедральные профессора в одних и тех же выражениях славят «безвредность» нашей сорокоградусной, и порицают все остальное. Даже коньячок из-за его самогонного духа иной раз ставится под сомнение. И вообще, как я успел заметить, всё, что имеет цвет или какой-то выраженный неспиртовый запах, подозревается в наличии чего-нибудь «вредного». Наша «беленькая», таким образом, стала в этом плане эталоном, по крайней мере после чистого спирта (о, к чистому спирту у наших граждан особое почтение – как-никак, «отец» сорокоградусной).

На первый взгляд, особенно на взгляд рассудительного иностранца, может показаться, будто такая щепетильность в выборе напитка есть показатель трепетной заботы русских граждан о своем здоровье. Наверное, американцы так и подумали бы, коль сами они пьют обезжиренное молоко из-за страха перед холестерином. Не тем ли вызван и наш национальный страх перед сивушными маслами, коим приписывают все отравляющие свойства питания?

Сказать такое на полном серьезе – значит вызвать усмешку у наших славных соотечественников. Уж к чему-чему, но к своему организму русский человек относится безжалостно, особенно во время гулянок и разных там «ответственных» случаях с приемом спиртного. Суровая необходимость нередко ставит даже статусных товарищей в условия, когда здоровье не позволяет, а долг велит. У нас еще немало дел решается во время кулуарных приемов сорокоградусной, когда надлежит уважить серьезных людей. А уж если судить по количеству выпитого во время каждого застолья, то тут говорить о трепетном отношении к здоровью не приходится.

Как же тогда понимать такую выраженную девальвацию всех тех напитков, что по чистоте никак не идут в сравнение с сорокоградусной? Чтобы ответить на этот вопрос, напрягаться не приходится – оценка водки делается только с точки зрения **похмельного состояния**. Дорогие граждане вовсе не стремятся к сохранению здоровья – а только к уменьшению неприятных «отходняков» после принятия хорошей дозы спиртного. И именно с этой точки зрения водка считается эталоном. А ее мифическая «безвредность» есть не более чем эталонное качество для отчаянных гуляк. Я еще с детства вывел для себя одну важную примету: если кто-то во время большого застолья наливал себе не водку, а вино – то он всегда оставался трезв. Обычно считалось, что такой человек по сути своей непьющий, а вино наливает, чтобы просто поддержать компанию, не быть белой вороной. Это были довольно редкие представители «культурного питания» или же «язвенники», коим сорокоградусная была совсем неможуту. Однако прием водки всегда был признаком, сигналом к стремлению человека «оторваться» от души. Мне уже в четыре года было понятно, что если какой-нибудь дяденька начинал с «беленькой», то через несколько часов его ждали большие трансформации. Если б он довел себя до такого состояния с помощью вина, то получил бы целый поток наставлений по поводу губительности подобного средства достижения пьяного экстаза. В глазах русского народа это есть не самый лучший путь к сногшибательному веселью. В том случае, конечно, если у пьющего есть «правильный» выбор, то есть водка. Поэтому в контексте нашего национального потребления «безвредность» водки всегда выступала в качестве медицинского аргумента **в пользу безмерного опьянения**. Дескать, напиваться не так уж и опасно, если напиваешься «беленькой». Для многих соотечественников это уже стало догмой.

Я специально заостряю внимание на данном аспекте проблемы, поскольку наши водочные патриоты из числа ученой братии до сих пор продолжают хвалить достоинства русской водки по ее **химическим показателям**. Столько-то там альдегидов, сивушных масел и прочей нечисти. Чем выше качество, тем этой дряни меньше. Тем-то, мол, наша водка выгодно отличается от басурманских напитков. Причем говорят об этом так, будто никому в других странах не под силу провести очистку водочного спирта на высоченном уровне, как у нас. Прямо распирает от гордости за наших химиков. Куда там немцам и американцам. Но самое смешное, что на фоне альдегидов и сивушных масел этиловый спирт выглядит в таких описаниях прямо невинным принцем-красавцем. Можно подумать, что нашим гулякам

угрожает не количество «принятого на грудь» спирта, а вот эти самые «нечистые» компоненты.

Стоит ли говорить, что если по таким критериям оценивать качество премиальных коньяков и виски, то они наверняка попадут в группу низкосортных напитков. Кстати, не по тому ли критерию была забракована дореволюционная водка от Петра Смирнова? В некоторых книжках прямо указывается на ее «вредность». Качество, мол, среднее и низкое. Понятно, по количеству сивушных масел она, наверное, действительно превосходила «монопольку», очищенную с помощью новейших угольных фильтров. Но в таком случае в пору было повеситься Джону Уокеру и его потомкам, поскольку в знаменитых сортах виски этой марки сивухой отдает весьма и весьма отчетливо.

Не будем сейчас гадать, на каком уровне находилась продукция знаменитого русского водочника. Добавлял ли он туда чего-нибудь ядовитое или нет. Думаем, Смирнов был не менее добросовестным производителем, чем его шотландский коллега. Как мы знаем из современной практики, если государство хочет оттяпать выгодный бизнес, оно найдет любую причину. И «вред для здоровья» в таких случаях всегда фигурирует в качестве главного предлога. И никого уже не волнует, что после введения государственной монополии люди стали пить еще больше. На это нам отвечают прямо-таки железным и очень «научным» аргументом: казенная водка отличалась высокой чистотой! Вот так! Точка. Идеологи казенной водки четко знают, от чего может пострадать наш народ: не от повального пьянства, не от безмерного поглощения спиртовых «градусов», а от проклятых сивушных масел и разных нехороших добавок! В общем, граждане ведут себя плохо не тогда, когда пьют без меры, а когда напиваются не тем, чем положено. Сия установка государевых мужей давно уже доведена до народного сознания с помощью разномастных интеллектуалов, причем действующих даже без всякого дурного умысла. Они, похоже, искренне верят в правоту своих выкладок.

Как в народном сознании отзывается сие наставление о «здоровом» питии, мы уже показали. Представления о «безвредной» водке влетают в головы российских граждан не только благодаря персональному опыту. Тут без продвинутых интеллектуалов явно не обошлось. Нет, в советское время никто прямо не заявлял нам о том, что русская водка де «безвредная». Тем не менее, простые граждане постоянно транслировали сведения о ее выдающихся качествах, будто бы полученных от профессиональных медиков. Возможно, в каких-нибудь популярных книжках и журналах что-либо подобное проскальзывало. По крайней мере, о проклятых сивушных маслах любой советский спец мог безбоязненно рассуждать даже на страницах журнала «Здоровье». А уж распекать за это иностранные спиртные напитки было вообще делом патриотическим. Если у нас «Пепси-кола» иной раз подвергалась обструкции за ее подозрительную «химию» (хотя производилась в СССР по лицензии), то чего там было мелочиться, когда речь шла об иностранной «самогонке».

Свою лепту внес и советский кинематограф, наглядно показав гражданам примеры отрицательного буржуазного питья и правильного - нашего. Мы уже отмечали, что дорогие вина, коньяки и виски в советских кинолентах пьют обычно враги нашего народа – белогвардейские офицеры или штабные нацисты. Воины Красной армии предпочитают медицинский спирт. И вообще, хороший русский человек на экране хлещет сорокоградусную. Где вы видели, чтобы наш положительный герой пил виски с содовой или джин с тоником? Конечно, любимый нами разведчик Штирлиц пьет коньяк, но с той же целью, с которой он носит форму СС и говорит по-немецки – чтобы казаться своим среди вражеского окружения. В конце-концов старина Мюллер – уже после своих откровений о плохой судьбе нацизма – открывает нашему герою глаза и на вредность коньяка. Оказывается, пить надо... водку, она «безвредная». Такая вот военная тайна.

Когда в начале 1990-х нам показали фильмы про Джеймса Бонда, было совершенно непонятно, за что их так распекала советская пропаганда. Ничего откровенно антисоветского мы там не увидели. Хотя коммунисты прекрасно понимали враждебную суть сего персонажа. Пил он, например, совсем не по-нашему, а чисто «по буржуазному». Сухой Мартини с оливкой был абсолютно чужд представлениям трудящихся СССР о правильном питии. Положительные

герои советского кино снобизмом не отличались, даже коньяк пили как водку. А уж смаковать виски с содовой... Нет, такого мы не видели.

Несколько лет назад мне попала в руки одна книжечка о русской водке, где вслед за Похлебкиным порицалось басурманское питье – с позиции все той же чистоты. Автор с этих позиций разъяснил причину особенностей буржуазного потребления виски: мол, бодряжат ее содовой именно для того, чтобы заглушить невыносимый сивушный дух. Про то, что на Западе еще и «Столичную» подмешивают в коктейли, он ничего не сказал. Главное то, что мы знаем, по какой статье предъявить счет иностранным производителям спиртного – вредные компоненты в их напитках. Вредное всё, кроме... СПИРТА!

Примечательно, что выкладки наших ученых мужей вполне соотносятся с простонародными впечатлениями от иностранных марок спиртного. С этими впечатлениями я сполна ознакомился в свои пятнадцать лет в обычной больничной палате, где я лежал с бронхитом. Дело было весной 1984 года, еще до антиалкогольной компании. Моими соседями по палате были взрослые мужики, имевшие большой опыт по части выпивки. Один из них откровенно называл себя «натуральным алкашом», хотя был семейным человеком и имел постоянную работу. Понятно, что больше всего они уважали нашу «беленькую». Уважение к ней доходило до того, что иной раз им удавалось перед обедом «раздавить» поллитру прямо в больничном скверике. Впрочем, как выяснилось, кроме сорокоградусной они вообще неплохо разбирались в разнообразном зелье. Поводом к одной содержательной беседе послужил фильм «Баллада о пикирующем бомбардировщике», показанный накануне 9 мая. После фильма я узнал подробный расклад по извлечению «градусов» из самых разных жидкостей. Было много и другой интересной информации. Например, о том, что от стеклоочистителя не пьянеют, а «дуреют». Мои соседи по палате много чего пробовали, в том числе виски и прочие буржуазные напитки. Так вот, выяснилось, что виски, шнапс, джин и ром – все это откровенная чепуха по сравнению с водкой. Шнапс – «самогонка», от джина отдает одеколоном, а виски на вкус знатоков стеклоочистителя – не только «самогонка», но еще и «кислятина». Короче, вывод был один – лучше нашей водки ничего не создано. А если искать ей замену, то здесь «Тройной» намного предпочтительнее стеклоочистителя. Вот он какой – глас народный.

Как уже стало понятно, самой характерной чертой такого отношения к спиртному является полное неприятие ароматики в алкогольных напитках. Что оно такое и на кой оно нужно, наш гражданин, воспитанный на чистой водке, не понимает совершенно. Коль в напитках ценятся «градусы», то любой дополнительный запах кажется излишним, каким бы ни было его достоинство. Все, что не пахнет спиртом, все «нечисто». В этом смысле джин запросто приравнивают к одеколону, и его аромат сам по себе воспринимается как некое недоразумение. В настоящем одеколоне запах «прощается» в силу того, что изначально это не есть напиток. На кой тогда – полагает наш любитель «беленькой» - одеколонный дух в спиртном напитке? Наверняка «химия». Что же говорить о сивушной компоненте в виски или коньяке. Ее нашему гражданину вообще сложно увязать с ароматом. Только с «несовершенством». Попробуйте в компании простых мужиков крутить коньяк в бокале и вдыхать его аромат. Сразу получите веское замечание: «Чего ты его нюхаешь? Давай пей!».

Здесь в какой-то мере таится разгадка того, почему наши «натуральные алкаши» при отсутствии «беленькой» столь бестрепетно переходят на одеколон и стеклоочиститель. Все просто: **они никогда не нюхают хмельную жидкость в момент ее поглощения.** Нет у них таких склонностей и навыков! Говоря научно, их абсолютно не интересует органолептика спиртного напитка. И этот **стиль потребления** довольно прочно закрепляется у доброй части взрослого населения в процессе приобщения к водке. Если вдруг хмельное зелье источает вонь, опытный выпивоха просто заглушит свои обонятельные рецепторы. Подчеркиваем – это есть **навык**. Хорошо, конечно, когда без вонь, когда все чисто, когда один лишь спиртовый дух без всякой «нечисти». Но и вонь, как мы уже говорили, не мешает питию, если продукт содержит вожделенные «градусы». Необходимость вынуждает принимать и такое.

Казалось бы, парадоксально, когда ценители водочной чистоты в особых случаях не брезгуют суррогатами и любой спиртосодержащей дрянью. Но парадокса нет – все вполне закономерно. Я уже давно заметил, что даже вполне пристойные почитатели «безвредной»

водки готовы иной раз искать ей не самую лучшую замену. Например, ради экономии денег наши граждане в порядке вещей прибегают к самогонварению. Причем, никакими помещичьими рецептурами не пользуются. Перегоняют чаще всего на один раз, ну а дальше «облагораживают» рукотворное зелье каждый на свой манер, без всяких хитроумных способов. И марганцовку в нее сыплют, и карамелью подкрашивают, и на кедровых орехах настаивают. Иной раз фильтруют, но не особо тщательно. Ничего, сотрапезники относятся к такому творчеству с полным пониманием, особенно если с «градусами» полный порядок. Ну а если гнать нет возможностей или желания, то преспокойно хлещут брагу, черпая ее прямо из фляги, без всякого волнения по поводу сивушных масел, метанола и альдегидов. В советские времена бражку поглощали наравне с самогоном. Впрочем, иной раз ее тоже пытались улучшить, насыпая во флягу каких-нибудь ягод, например черной смородины или малины, после чего полученный напиток называли то «наливкой», то «настойкой». А еще по «народному» техрегламенту туда нередко вбухивали масло – чтобы не лилось через край (по другому делать не додумывались). И ничего – пили и напивались.

В ту пору в сельской местности каждая уважающая себя хозяйка держала в запасе какое-нибудь самодельное спиртное. Чаще всего как раз брагу. Для хозяйственных нужд дело было необходимое. В любой деревне можно было найти какого-нибудь «натурального алкаша», готового за литр такой браги выполнить любую малоквалифицированную работу. Водкой расплачиваться было дорого. Самогон делали обычно по специальному поводу. А вот с брагой такой проблемы не возникало. Где-нибудь в холодном погребе, да еще в герметичной фляге брага могла храниться достаточно долго, причем выдержка ее несколько улучшала. Особенно ценилась брага деревенских бабuleк-пенсионерок. Сами бабульки хмельного не потребляли, так что их бражка была достаточно зрелой. «Натуральному алкашу» хватило бы и половины литра, чтобы оказаться навеселе. А за литр он готов был и дров наколоть, и забор починить, и воды натащить. Моя бабушка тоже относилась к себе с уважением, так что запасы бражки для таких случаев были у нее всегда, даже в годы антиалкогольной компании. Помню, как один местный выпивоха, еще достаточно молодой, приносил ей по вечерам здоровенных щук, язей и судаков, которых он успевал наловить за день (деревня находилась прямо на берегу Оби). Денег он не брал совершенно. Отдав рыбу, он садился на лавочку у палисада, куда бабуля выносила ему полную литровую кружку браги и закуску. Молодой человек неспешно выпивал и с веселым настроением шел домой.

Зачем я пустился в такие воспоминания? Все очень просто. Если бы такому забулдыге предложили на выбор коньяк, виски, джин и водку, то он, вне всяких сомнений, выбрал бы как раз водку. Не верите – проведите исследование. Я делаю такой вывод на основании своего опыта, своих наблюдений и общения с подобной публикой. Их выбор в пользу водки для меня несомненен. А если любого из них спросить: почему именно водка? – то ответ будет простым и до боли знакомым: потому что она «чистая» и «безвредная». Потому что виски и коньяк – «самогонка», а джин – «одеколон». Больше вы ничего не услышите, уверяю вас. Впрочем, я не исключаю отдельных случаев, когда выбор падет на коньяк, но только исключительно в силу того, что среди некоторых наших любителей выпить бытует мнение, будто коньяк значительно крепче водки, то есть более предпочтителен с точки зрения количества «градусов». При отсутствии таких заблуждений предпочтение непременно будет отдано «беленькой».

И уж в чем я абсолютно уверен, так это в том, что ни один ценитель коньяка, виски или джина не станет надуваться мутной брагой ради скоротечного пьяного веселья. Абсолютно уверен! Невозможно представить, чтобы какие-нибудь суррогаты могли стать вынужденной альтернативой перечисленным напиткам. Кому нравится аромат «Камю» или «Чивас Ригал», тот при их отсутствии никогда не перейдет на «Тройной». Это – аксиома. В то же время любовь к водке из-за ее мнимой «безвредности» не останавливает людей перед тем, чтобы в силу объективных обстоятельств прибегнуть к «вредной» замене. Какой бы идеальной ни была чистота водки, как бы мягко она ни проникала в организм, никаких особых качественных характеристик вы для нее не придумаете, чего бы там ни утверждал наш «специалист» Похлебкин. Поэтому при оценке водки чаще фигурируют количественные показатели: сколько там альдегидов, эфиров и сивушных масел в пересчете на литр жидкости. Современные

производители уже в рекламу начали вставлять свои таблицы, из коих следует, будто в их продукте всей этой «нечисти» во много раз меньше, чем даже требуется по ГОСТу.

Правда, в отечественных энциклопедиях постоянно мелькает выражение «водочный аромат» или «типичный водочный аромат». Меня, честно говоря, всегда забавляло такое словосочетание, хотя бы только потому, что обонять наши водки мне доводилось неоднократно. Разумеется, если запах этилового спирта назвать «ароматом», то тогда конечно, там будет «аромат». Только точности ради его стоило бы назвать «спиртовым», а не «водочным». Что касается аромата спиртных напитков вообще, то насколько я знаю, он всегда складывается на основе этих самых альдегидов, эфиров и сивушных масел, от которых наши водочные производители старательно избавляют свой продукт, да еще выставляют свое свойство в виде главного достоинства «беленькой». Понятно, что «водочный аромат» - особый жаргон дегустаторов. Но, еще раз подчеркнем, что потребителей и ценителей русской водки подобные органолептические показатели как раз и не интересуют. Что конкретно их интересует, лучше всего знают как раз производители, потому и публикуют таблицы насчет альдегидов и сивушных масел. Тем самым они прямо по научному убеждают публику в «безвредности» своей продукции, что потребителю как раз и нужно от водки. Потребитель он ведь тоже просвещается, и потому пребывает в уверенности, что чем меньше всякой «нечисти», тем меньше ему угрожают отходняки, а значит можно принимать родимую безбоязненно, без опасений за здоровье, то есть...МНОГО. Вот он - основной расклад. Количество поглощенного за один присест этанола в расчет как бы не принимается. В этом – главная особенность потребления нашего «истинно национального» напитка.

Еще раз проведем параллель с наркоманами. Какая для них главная неприятность (кроме, конечно, цены наркотика)? Известно – возможные нехорошие последствия, ломка. Ну а что больше всего волнует наших любителей спиртного, когда они настраиваются на веселое времяпрепровождение? Да в принципе то же самое – тяжелые последствия, отходняки и, разумеется, возможная зависимость от алкоголя. Много вы здесь видите разницы? Лично я нет. Создай сейчас в какой-нибудь лаборатории какой-нибудь особо чистый героин, гарантирующий очень мягкую ломку, спрос на него, полагаю, был бы особо высок. Точно так же не исключаю, что и среди наркоманов существуют свои представления о «безвредности» тех или иных наркотиков, а равным образом определенные правила максимально «безопасного» их приема. Как-то Похлебкин, выступая перед депутатами Госдумы, посоветовал им не выпивать до пятнадцати ноль-ноль, дабы не пристраститься к алкоголю. Он что, имел в виду коньяк, виски или сухое вино? Тут и ежу понятно, что речь может идти только о водке. И этот напиток не постыдились увязать с нашей национальной традицией! То есть без малейшего смущения объявили на весь мир, что русский народ сотворил сей продукт под стать своим исконным запросам (вот они – патриоты!). Ведь получается (как раз по Похлебкину и его эпигонам), что творческий дух народа столетиями стремился к тому, чтобы принимать «градусы» в максимально чистом виде, не напрягая свое обоняние посторонними компонентами, не имеющими прямого отношения к веселящему действию спирта.

Конечно, если пообщаться с нынешними ценителями «беленькой», то такой вывод напрашивается автоматически. Однако если обратиться к традиции – **настоящей традиции**, а не государственным ухищрениям – то обнаружится совсем другая картинка. Почему, например, до революции так ценились всякие ароматные – именно ароматные – водки и всевозможные настойки на травах, фруктах и кореньях? Почитайте русских классиков, и вы легко в этом убедитесь. Как было написано у Куприна: «А для легкости прохода в нутро каждый блин поливается разнообразными водками сорока сортов и сорока настоев. Тут и классическая, на смородинных почках, благоухающая садом, и тминная, и полынная, и анисовая, и немецкий доппель-кюммель, и всеисцеляющий зверобой, и зубровка, настойка на березовых почках, и на тополевых, и лимонная, и перцовка и всех не перечислишь...».

Знаменитые помещицы водки, следуя тому же Похлебкину, тоже были ароматными. В XIX столетии водку ароматизировали в любом приличном доме. Впрочем, еще сейчас кое-где стараются сдобрить самогонку чем-нибудь запашистым. Правда, запах аниса и тмина в настоящее время совсем не ценится, хотя смородинные почки или кедровые орешки уважаются многими. Не так давно очень уважаема у нас была украинская «Медова з перцем».

И ничего, пряно-медовый дух никого как будто не отпугивал. Вроде бы как народ стал возвращаться к доброй старине, что само по себе весьма многозначительно. По крайней мере, данное обстоятельство говорит о том, что привычка к спиртовой чистоте есть явление **вынужденное, навязанное** тем потребительским стандартом, что утвердился с определенных пор нашими государевыми мужами и что по сей день считается некой нормой. Во всяком случае – нормой нашего (якобы) национального потребления.

Рассуждая в духе историка Похлебкина, зацикленного на неудержимой тяге русского народа к этой самой спиртовой чистоте, можно прийти к выводу, будто распространенная в России практика ароматизации водок пряными травами была лишь попыткой заглушить сивушный дух. Некоторые апологеты «беленькой» так и рассуждают. То есть сам по себе аромат ценности как будто не имел. Ценность – в чистых «градусах».

Поразительно, что суждения некоторых ученых мужей по данному предмету у нас мало чем отличаются от суждений малообразованных пьяниц. И маэстро Похлебкин в этом плане представляет наиболее показательный пример. Ну на кой еще нужен был аромат аниса, как не ради попытки заглушить «вредную» нечисть? Отсюда следовало, что после изобретения великолепных угольных фильтров надобность в такой практике отпала сама собой. Народ получил возможность наслаждаться чистым «водочным ароматом». Что, собственно, мы и наблюдали в советский период, когда производство так называемых ароматных водок было весьма и весьма незначительным (в сравнении с водками массовых «народных» марок – «Русской» или «Экстры»).

Что касается сивушного духа, то с ним также стоит разобраться. Мои родители как-то рассказывали, что во времена их молодости деревенская самогонка была «вкусной». Речь шла о самом начале 1960-х годов. Несмотря на строгие запреты, народ все же прибегал к незаконному винокурению. Особенно в деревнях. Деваться простым колхозникам было некуда: время от времени приходилось устраивать большие гулянки, куда приглашалась чуть ли не вся деревня (например, на свадьбы). Напоить такую ораву казенной водкой скромный семейный бюджет никак не позволял. Приходилось делать спиртное самостоятельно. В те времена делали его традиционно, на основе ржаного солода. Из сахара, как мы понимаем, бражку еще не ставили, поскольку сахар в те годы тоже очень «кусался» в цене, и в многодетных семьях ценился как лакомство. Поэтому отцу семейства гораздо дешевле было потратить на застольные дела полмешка ржи, чем раскошелиться на ящик водки. Благо, технические навыки утрачены не были. Проращивать солод и делать затор умели, поскольку параллельно делали квас, а иной раз и домашнее пиво.

В общем, «вкусный» самогон наших бабушек и дедушек, судя по всему, очень сильно напоминал то, что делали наши пращуры в славные самодержавные времена. Никакой «совершенной» аппаратуры в послевоенных деревнях не было (нет и поныне). Тем не менее получаемый кустарным способом продукт не оставил в памяти тех, кто его потреблял, негативных ассоциаций. При грамотной перегонке хлебное вино не обладало никакими досадными запахами, которые надлежало непременно чем-нибудь заглушить. Подчеркну еще раз: до появления очищенной водки никаких предубеждений против сивушных тонов не было. Отвращение к ним могло возникнуть разве что на почве регулярных перебоев, когда этот запах начинал вызывать содрогание из-за тяжелых воспоминаний. Но так происходит со всеми продуктами, с которыми мы перебрали до тошноты. Съешьте зараз пару килограммов черной икры, и вас очень долго будет воротить от ее запаха. Попробуйте несколько раз перебрать с самым дорогим коньяком, и у вас на его аромат начнется аллергия. Поэтому подобные издержки не должны нам диктовать каких-то правил и критериев для оценки. Шотландский виски отдает сивухой, но миллионы потребителей находят этот запах приятным. Мы же привычно судим об этом с позиции собственных предубеждений, больше руководствуясь мнением тех, кто не отличается умеренностью. Добротный сделанный самогон не производит ужасающего впечатления в плане своего запаха. У кого нет жутких воспоминаний о былых переборах, тому заглушать тут нечего.

Помню, когда я первый раз, еще в детстве, уловил запах самогона, мне он показался вполне приятным. Это был крепкий и чистый как слеза отгон. Резкие, неприятные запахи появляются либо в результате грубой перегонки, когда в патрубок попадают капли кипящего

затора, либо когда стремятся гнать до последнего «градуса», из-за чего отгон начинает мутнеть. Однако при повторной перегонке (что в обязательном порядке требовали старинные регламенты) резкая вонь исчезала, особенно если перед этим первую выгонку очищали молоком.

Таким образом, грамотным и аккуратным винокурам заглушать травами водку было ни к чему. Такая потребность возникала у тех, кто был нечист на руку или настолько нетерпелив, что ограничивался скороспелым продуктом первой выгонки. Именно так, я уверен, некоторые частные дельцы изготавливали дешевую сивуху для неприязательных «питухов»: отогнали до упора, до мути на один раз, и порядок. Дальше везли это зелье на продажу. Тут, возможно, и возникла необходимость бросить в затор какую-нибудь душистую травку, чтобы слегка заглушить чрезмерный сивушный дух. По крайней мере, в Англии во время «джиновой чумы» так и делали, сдабривая самогон можжевельновыми ягодами. Но нужно ли это было помещику, изготавливавшему водку для собственного потребления, применявшему по три-четыре перегонки? Вывод однозначен: водку ароматизировали **ради самого аромата**, чтобы сделать ее буквально «вкусной». Богатый дореволюционный ассортимент ароматных водок и настоек лишний раз свидетельствует в пользу такого утверждения.

Из сказанного следует, что предельная чистота водочных спиртов в рамках русской винокурной традиции никогда не была самоцелью. Никогда не было изначальной установки поглощать напиток с чисто спиртным запахом, без всяких посторонних тонов. Простое хлебное вино, нормально приготовленное, вряд ли в далекие царские времена отпугивало потребителя нотками дрожжевого теста. Если уж в послевоенные советские годы обычный самогон из ржаного затора считался «вкусным», то в «добром вине» помещичьих винокурен вряд ли могли уловить какую-нибудь «нечисть». А что касается ароматных водок, то здесь отнюдь не травы должны были приглушать сивушный дух. Все как раз наоборот: сивушные тона не должны были перебивать чистоту пряных ароматов. Именно этого, кстати, добиваются при производстве современного английского джина и различных ликеров, невозможных без чистого спирта. Так что элитный продукт помещичьих винокурен смело можно ставить именно в этот ряд.

Хорошо известно, что ароматные водки, джин и ликеры произошли от старинных целебных tinkтур. То же, как мы показывали, отмечал и маэстро Похлебкин, напоминая, что словом «водка» долгое время называли именно снадобье, а не напиток. Простое хлебное вино, имело свою собственную генеалогию, а водкой его стали называть только в XIX веке. Наш специалист пытался было объяснить, из-за чего произошел такой перенос, но на самом деле только еще больше запутал. Как мы помним, происхождение самого слова «водка» он прочно увязывал с практикой разбавления спирта водой, якобы характерной только для русских (а как там, интересно, было у немцев, поляков или ирландцев?). Но тогда логичнее было с самого начала назвать так именно хлебное вино. Однако мы знаем, что долгое время водками называли исключительно целебные tinkтуры или ароматизированные напитки, генетически с ними связанные. Ведь известно, что ликеры произошли от лечебных эликсиров. Так же было и с ароматными водками. Достаточно рассмотреть состав входивших в них трав, чтобы убедиться в их первоначальном медицинском назначении. Джин изначально применялся как мочегонное средство, абсент – как успокоительное, анисовки благоприятно действовали на пищеварительную систему. Сюда же можно включить популярную в царские времена «желудочную». А знаменитую русскую перцовку, да еще сдобренную медом, применяли при простудах. До революции, как мы отметили, подобных напитков было великое множество, и все они назывались водками.

О чем всё это говорит? О том, что представления наших предков о здоровом питии в дореволюционную пору никак не ассоциировались с химически чистой «беленькой». Сохранилась масса старинных рецептов ароматных водок и настоек, наглядно иллюстрирующих реальные потребительские запросы жителей России. И не исключено, что молва о «безвредности» водки в определенной мере связана с тем, что в свое время она принималась как лекарство, в котором по определению не может быть посторонней и вредной «нечисти». Даже в наши дни граждане охотно лечат недуги с помощью снадобий на основе все той же сорокоградусной или хотя бы самогона. Самым простым средством от

кашля считается водка с черным перцем. Против неприятных ощущений в животе некоторые используют подсоленную водку (честно говоря – помогает). Среди старшего поколения распространены самодельные водочные настои – на сосновых и березовых почках, на жгучем перце, на корне солодки и аира, на зверобое и тысячелистнике, а для наружного применения – на чистотеле, на цветах сирени и даже на красных лесных муравьях. Интересно, что некоторые мало осведомленные граждане приписывают целебные свойства и коньяку, полагая, будто это есть «водка на травах» (отчего якобы он и имеет светло-коричневый цвет).

Вопреки тому, что писал Похлебкин о ритуальном значении водки, якобы пришедшей на смену питным медам, она на самом деле (особенно в ее изначально ароматизированном варианте) была чисто столовым напитком, сопровождая обильную русскую трапезу благодаря своему положительному, как считалось, действию на пищеварение. Отсюда, надо полагать, сочетание водки с жирными и остро-солеными блюдами, столь любимыми на Руси – с соленым салом, пряной сельдью, ветчиной, окороками, грибами и всякими домашними соленьями. По сей день сохранились непонятные уже по своему первоначальному смыслу застольные речёвки, когда призывают выпить рюмку под какое-то блюдо – под свинину, под курочку, под жареного гуся, под шашлычок, под манты или пельмени. Как в той комедии: «Марфа Васильевна, давайте выпьем под щучью голову». Казалось бы, что за странные призывы. Ну ладно, когда предлагают выпить за чье-то здоровье. Но откуда такой подчеркнутый пиетет перед закуской? На самом деле здесь-то и дает о себе знать былая традиция, поскольку старинные водки в приличных русских домах пились как раз под какое-то блюдо. Водка, исходя из ее целебных свойств, была самым надежным помощником организма во время вкушения большого количества пищи. Недаром в старинных рецептах столь часто фигурируют такие компоненты, как анис, тмин, мята, благотворно влияющие на желудок.

Впоследствии, как это часто бывает, акценты серьезно переместились с еды на выпивку, и стало считаться, что все разнообразие праздничного русского стола было специально подобрано для закусывания водки. Именно так очень сытная еда в сознании наших соотечественников мигом превратилась в «закуску». Поэтому теперь во время шумных гулянок желающие досидеть до конца застолья и не свалиться на пол старательно налегают на жирненькое после каждой опрокинутой рюмки. Для приличного человека вообще считается хорошим тоном основательно закусывать, дабы сильно не опьянеть. Ведь согласно нашим же народным представлениям, без закуски выпивают только презренные «алкаши».

Этот парадокс русского застолья до сих пор вызывает изумление у некоторых иностранцев, справедливо считающих современную водку средством опьянения. Для многих из нас кажется ужасом распитие водки по-шведски или по-фински – «всухую», без всякой закуски. В нашей стране подобный стиль питания распространен исключительно среди опустившихся забулдыг, у которых на нормальную закуску просто нет средств. Народ в наиболее зрелой и трудоспособной части своей, даже при всем уважении к «беленькой», такое отношение к потреблению крепких напитков категорически не приемлет. Водка без калорийного и пряно-соленого сопровождения выглядит на наших праздничных столах очень и очень сиротливо. Я бы даже сказал, что ни в одном приличном доме подобного не допустят. И это притом, что в течение нескольких столетий в царских кабаках, где государство увлеченно спаивало народ хлебным вином, закуска не предлагалась вообще. Подчеркиваю – вообще. То есть практика «занюхивания» спиртного рукавом имеет у нас давнюю историю, однако же ни в какую традицию не вылилась.

Казалось бы, еще одна загадка русской души – выпивать водку лошадиными дозами в целях опьянения, при этом тормозя ее опьяняющее действие столь же обильным поглощением калорийной пищи. На первый взгляд, опять какое-то безрассудство и нерациональность. Не проще ли, как это делают прагматичные и экономные шведы, наклюкаться всухую? И водки надо меньше, и на еду никаких затрат.

На самом деле никакой загадки тут нет. Все очень просто. Нужно только в правильном ракурсе рассмотреть наш праздничный стол. Нормальный (и особенно – состоятельный) русский человек – не только любитель быстрой езды, но еще и любитель вкусной и сытной пищи. Одним словом, поест не дурак. И праздничный стол – это прежде всего ЯСТВА,

разнообразные и обильные вкусоности. Спиртное – тоже вкусное – идет как сопровождение. Такова, собственно, концепция любого праздничного стола у любого цивилизованного народа.

Так было и у нас в боярских, купеческих и зажиточных крестьянских домах, где недостатка в хорошей еде не испытывали. За праздничный, да и вообще хорошо обставленный стол приличные люди садились не для того, чтобы наклюкаться и уснуть, а в первую очередь для того, чтобы вкусно, сытно и много ПОЕСТЬ. Разговеться, так сказать (особенно после длительного поста это было весьма актуально). И водка в ее старинном ароматном варианте должна была содействовать хорошему усвоению пищи, снимать тяжесть в желудке, за что ее и ценили. Достаточно обратиться к классической литературе, чтобы убедиться в справедливости сказанного. Недаром Куприн пишет, что каждый блин поливается разнообразными водками для «легкости прохода в нутро». Иными словами, **ели много не потому, что много пили, а наоборот – много пили потому, что много ели**. Водка в таких случаях выполняла свою роль не хуже современного «Мезим форте». Именно таким в старину и было здоровое питание с напитками, чье целебное назначение было неоспоримым.

Специально уточню для скептиков, что разговеться русские могли на славу, поглощая за раз такое количество пищи, что вызывало ужас у заезжих иностранцев. Пример такого разговения подали уже московские самодержцы, буквально породив традицию ритуального обжорства во время знаменитых на весь мир царских трапез. Об этом хорошо написал в своих «Записках о Московии» Сигизмунд Герберштейн, бывший послом при дворе великого князя Василия III. В этой связи весьма ценно его свидетельство, что в начале обеда на стол подавалась водка (в оригинале: «pranndt Wein» – «горячее вино», а также «aqua vitae» - вода жизни), с принятия коей и начиналась обильная трапеза. Вот вам и реальный старинный аперитивчик. Иначе говоря, именно водка шла под трапезу, а не трапеза - под водку. И иначе было никак нельзя, особо учитывая огромное количество перемен весьма сытных блюд. Настоящее испытание для желудка (особенно - для европейского желудка)!

Стоит напомнить, что закормить гостей до изнеможения было даже особой царской забавой, подхваченной впоследствии главами зажиточных семейств (вспомним «Демьянову уху»). Монархи, как известно, во многих странах были законодателями моды. У нас пошла мода на обильные праздничные трапезы. И вплоть до сегодняшнего дня любая уважающая себя хозяйка считает своим долгом не просто накормить гостей во время пышного застолья, но и накормить их так, чтоб им тяжело дышалось. Это в том случае, конечно, если в семье есть достаток. И когда праздничный стол ломится от яств, желудок непременно нуждается в поддержке. Сейчас некоторые продвинутые гуляки нередко прибегают к таблеточкам с ферментами. А что было делать в царские времена, когда таких таблеток не было? Вот тут-то и пригодилась целебная водка.

Читая классиков, никак нельзя не заметить, что в старину вкусовые достоинства принимаемой хмельной жидкости имели далеко не последнее значение. Удивляться тому не приходится. Коль во время застолья речь шла о поглощении вкусоностей, то соответствующее требование автоматически предъявлялось и спиртному напитку. Вкусная еда сопровождается вкусным напитком. Не иначе. И не важно, собственно, идет ли речь о вине, коньяке или водке. В любом случае последняя тоже обязана была быть вкусной, чего и добивались когда-то в помещичьих винокурнях. Ну а поскольку элита задавала определенные культурные стандарты, такое отношение к спиртному находило отклик в других слоях общества. Вот это, подчеркну еще раз, и ЕСТЬ ТРАДИЦИЯ, и именно в ее русле необходимо искать наш «исконно национальный» напиток (к этому мы еще раз вернемся в другой главе).

По современной классификации старинные русские водки были даже не водками в нынешнем понимании, а настойками. Им не только старались придать какой-либо вкус и аромат, но нередко даже тот или иной цвет. Вплоть до революции уважающие себя хозяева из зажиточных семейств старались улучшать вкус и аромат купленного в магазине простого хлебного вина, приближая его в какой-то мере к тому, что долгое время принято было называть водкой. Возможно, именно таким путем на хлебное вино и переместилось это название. То есть приличные люди покупали «хлебное вино», но потребляли его как «водку». Благо, крепкое спиртное в те времена само по себе рассматривалось как средство, способствующее хорошему перевариванию пищи (а равно и усилению аппетита). Сдобренное

нужными травами, оно тем более повышало свою ценность именно с этой точки зрения. Возможно, со временем к простому «хлебному вину» в хороших семьях стали относиться более лояльно, однако в любом случае необходимо признать, что слово «водка» было напрямую связано с указанным стилем потребления спиртного, а не с его химическим составом.

Я особо обращаю на это внимание: возникшее со второй половины XIX века расширительное толкование слова «водка» (распространяемое на все крепкие напитки), напрямую связано с утверждением элитного «водочного» стиля потребления спиртного. То есть когда крепкий напиток выпивался непременно под какую-то хорошую еду, причем не только в приличных домах, но и в питейных заведениях (чего, еще раз напомним, долго не было со времен открытия первых кабаков). Уж коль простой народ потихоньку начал смачно закусывать хлебное вино, то это наверняка выглядело как барский шик. А представители знати как раз и были когда-то главными потребителями водок – в старинном понимании этого слова. Потому-то слову «водка» и дали такой простор в толковании, поскольку тем самым пытались подчеркнуть «здоровую» компоненту чисто «культурного» питания, идущего от рафинированной аристократии. Тем более что термин «вино» все больше ассоциировался с виноградными винами и мало подходил к огненной жидкости. Слово «водка» подходило к ней намного лучше.

Мотив интеллигентного, «культурного» отношения к спиртному хорошо просматривается в специальных трудах дореволюционных авторов. Говоря о «водках», они постоянно акцентируют внимание именно на их вкусовых достоинствах, а не на способности опьянять, тем самым как бы подчеркивая, что им, воспитанным и интеллигентным людям, чуждо простонародное отношение к спиртному. Как раз в XIX веке, благодаря распространению и укреплению «барского» стиля, русская водка (уже в широком понимании этого слова) стала прочно ассоциироваться с обильным праздничным столом и с различными блюдами русской кухни.

Сегодня значительное число наших соотечественников вполне усвоило барские запросы в плане хорошо и вкусно поесть во время праздников, однако спиртное сопровождение до сих пор оценивает глазами маргинального «питуха». Вот это и есть указанное смещение акцентов, хотя произошло оно, разумеется, еще до революции. Наложение двух стилей, двух парадигм в рамках единого культурного поля (сей феномен можно проследить на самых разных примерах) и породило парадоксальную ситуацию, когда много пьют чтобы опьянеть, одновременно много и плотно закусывая, чтобы опьянеть меньше. В общем, смотреть на еду по интеллигентному наши граждане научились, а вот в хмельных питиях многие из них по инерции видят исключительно «градусы». Последнее обстоятельство, вне сомнений, пришло прямой дорогой из царевых кабаков. Оттуда же в нашу жизнь ворвалась бесцветная сорокоградусная жидкость, которую мы в силу большого недоразумения привычно называем «русской водкой». В общем, все сильно перемешалось – и в сознании, и в быту.

Удивляться барским атрибутам, совмещенным с простонародными привычками, не приходится. Простые граждане России много чего переняли у истребленного господствующего класса, причудливым образом сочетая все это со своим невзыскательным вкусом. В «застойные» советские годы потомки русских крестьян уже обставляли свои дома и квартиры хрусталем и персидскими коврами, ценили всякие безделушки, включая золотые украшения, а по праздникам нередко пили шампанское. Подражание дореволюционной элите было несомненным. Образцы, конечно, шли от советской верхушки, изначально ценившей шик свергнутых «эксплуататоров», несмотря на свою формальную приверженность коммунистической идеологии. По мере улучшения материальных условий советских граждан туда же постепенно стал подтягиваться и рабочий класс. Это не замедлило сказаться на составе праздничных столов. Уже с 1980-х годов даже в провинции закусывать винегретом, квашеной капустой и вареной картошкой стало совсем «не комильфо». Появилась куча каких-то мудреных салатов, и каждая современная хозяйка старалась не ударить в грязь перед дорогими гостями, предлагая им свои собственные чудеса кулинарного искусства. В России умение женщины вкусно готовить все еще считается важнейшей добродетелью. Потому и рецепты салатов и прочих изысков множатся из года в год. Самое примечательное – в салаты

все чаще стали класть мясо. Уверяю, не в столь далекие 1960-е в любой рабоче-крестьянской семье такой рецепт сочли бы дурной барской причудой. Сейчас это - норма.

Короче, закусывать наши соотечественники стали уже на уровне дореволюционных зажиточных семей. Теперь самый лучший комплимент для хозяйки звучит так: «Ух, объелись, аж дышать тяжело...». Представители пожилого поколения часто по этому поводу назидательно сетуют: мол, раньше-то закусывали капусточкой, потому были веселые, песни пели и плясали. А сейчас «обожрутся и сидя-а-ат...». Казалось бы, у наших граждан отчетливо перемещается ракурс от установки «хорошо выпить» в сторону «хорошо поесть». Тут-то и не мешало бы поменять свое отношение к вливаемой в нутро спиртной жидкости. То есть для вкусной и даже изысканно-вкусной еды предусмотреть исключительно вкусное питье. Или хотя бы пересмотреть стиль потребления алкогольных напитков: хлопнуть рюмашку водки чисто для аппетита, или для лучшего усвоения. Но нет – по данному пункту у большей части дорогих россиян все остается по-старому – пьют для опьянения, только уже продираясь к веселью через гору калорийных закусок. Как-никак, но хорошая гулянка по-прежнему ассоциируется с угарным «улетом». Народная философия тут простая: если уж пить – то напиваться, в крайнем случае – поддерживать компанию (это уже для жеманных дам, язвенников и хлюпиков-интеллигентов). Потому иной раз из-за обильной закуски и пьют больше прежнего (соответственно – и тратятся тоже). Бывает, когда после хорошей гулянки начинают подсчитывать количество пустых бутылок, приходят в искреннее удивление: «Ничё себе – тринадцать штук выжрали!».

Понятное дело, что при столь обильных возлияниях миф о «безвредности» водки продолжает довлеть над умами сограждан. Вкус до сих пор – не показатель качества, показатель – непревзойденная спиртовая чистота. Поэтому наш гуляка, отхлебывая незамутненные «градусы», пребывает в полной уверенности, что в плане выбора хмельного напитка он поступил наилучшим образом. Да, время от времени он кривит рот, делает кислую мину после каждой рюмашки, закатывает глаза подобно медитирующему буддисту, или же спешно заливает спиртное водой. Но все равно продолжает верить, что сии неприятные (именно НЕПРИЯТНЫЕ) мгновения возвышают его над теми, кто смакует из бокала что-нибудь вкусненькое.

Здесь-то, пожалуй, и заключается главный парадокс нынешнего русского застолья, когда вкусная еда должна «подсластить» горькое водочное послевкусие. Ничего абсолютно нового в этом нет. Если уж сибаритствующий профессор Преображенский заглушал разбавленный спирт горячими закусками, то чего говорить о простом трудяге, для которого кусочек сала или бутерброд с красной икрой после проглоченных «ста грамм» – словно сироп после хинной настойки. Пить водку все равно противно, но вкусная еда теперь скрашивает этот ответственный процесс.

Как мы уже отмечали, в принципе наш народ не отказывается от любви к вкусненькому спиртному. Некоторые так теперь и делают – те, что покультурнее и побогаче. Однако далеко, далеко не все. Причины понять не сложно. В первую очередь – причины субъективные, уже упомянутые. Здесь и беззаветная любовь к «градусам», и вера в «безвредность» водки, и укоренившееся мнение, будто суровое питье достойно лишь «настоящих мужчин», да и вообще – водка есть наше родное, «исконно национальное». Когда все перечисленное соединяется в один клубок, сорокоградусная остается в безусловном авторитете. Иной раз наш гуляка и не прочь выпить хорошей настойки, коньяку или даже вина, но, прикидывая ближайшие перспективы (гулянка ведь!) выбирает «безвредную» водку (дозы-то планируются немалые). И наверняка ведь получит одобрение со стороны старших «знатоков»: «Правильно, вот это - по-нашему! Ну его, это «красное»! Я вот тоже всегда водку пью, и ничего, здоровье не подводит...». Стереотипы все еще срабатывают безотказно.

Но есть и объективные причины. Зайдите в любой отдел спиртных напитков, и вы всё поймете с первого взгляда: у вкусненького всегда какое-то больно обременительное для простого человека соотношение цены и количества «градусов». Сколько рядов вы бы ни обошли, всегда выяснится, что чистые «градусы» будут стоить намного дешевле. Потому водка прочно заполонила наши магазины, являясь в самых разных оформлениях, в разных ценовых сегментах, но не изменяя своей сути и назначения – служить средством беззаботного

опьянения, и ничем иным. Такой наш легализованный алкогероин под флагом национальной традиции.

В свете сказанного достаточно хорошо раскрывается подлинный смысл одного легкомысленного заявления «эксперта» Похлебкина: «...водка, возникнув исторически и закономерно, затем и столь же исторически закономерно пробилась себе путь, победив все другие русские старинные национальные напитки и завоевав себе «место под солнцем» в силу того, что оказалась наиболее приемлемой и приспособленной ко всем суровым изменениям в русских экономических и социально-исторических условиях...» (294). Вот оно как! Прямо бальзам на душу нынешним водочным магнатам, неспособным изготовить ничего стоящего, кроме разбавленного водой ректификата. Народ наш, оказывается, ничего больше пить и не желает. Эволюция, так сказать.

Вся пагубность нашего водочного мифа в том и состоит, что он предполагает именно такое соподчинение, вышедшее из кабацкого мира. Пивко и винишко как что-то «несерьезное», тогда как крепкий алкоголь – это да, это «по-взрослому», «по-настоящему». Пивком у нас, как известно, только балуются или «поправляются» с бодуна. К вину отношение вообще скептическое (ни то, ни се). Водка же – другое дело. Этот напиток – прямо по назначению. Откуда пошло столь одномерное восприятие? Естественно, из «царевых» кабаков. И проблема не в том, что оно отражает порочное сознание выпивохи. Проблема в том, что оно крепко укоренилось, так сказать, в широких слоях населения. Укоренилось в качестве «национальной традиции». Этот взгляд на спиртное транслируется даже теми, кто не имеет этих порочных наклонностей, либо у кого они явно не выражены. Но именно здесь находится источник, скажем так, совращения подрастающего поколения, вовлечения его в алкогольную зависимость через навязывание дурных стереотипов. По сути дела, извращенное отношение к дистиллятам, некогда порицаемое как признак низких душевных качеств, превратилось в своеобразный негативный «культурный код», транслируемый на все лады.

Теперь перед нами встает неизбежный вопрос: как избавиться от этого национального проклятия, преодолеть алкогольную зависимость населения? Достаточно ли пресловутой «борьбы с пьянством и алкоголизмом», на чем у нас поднатрели яростные пропагандисты так называемого трезвого образа жизни. Приемы их борьбы хорошо известны: неумная пропаганда трезвости, разоблачения всех форм потребления спиртного и, естественно, ограничение производства и продажи алкогольных напитков – вплоть до «сухого закона». Как мы знаем, такие действия у нас время от времени предпринимались. Самое смешное – начиная уже с XVII столетия, можно сказать – в золотой век кабацкого дела, поставленного самим государством. О приснопамятной горбачевской компании по отрезвлению народа и говорить нечего. Сегодня борцы за трезвость (мнимые и искренние) снова оживляются, готовясь нанести очередной удар по зеленому змию. Будет ли положительный результат? Ничуть!

Дело в том, что упомянутая «борьба за трезвость» является оборотной стороной медали практики сознательного спаивания населения ради извлечения «пьяных» денег. Одно без другого здесь просто невозможно. И проблема не в том, что организация таких трезвеннических компаний насквозь пропитана фальшью и лицемерием государевых мужей. Проблема коренится именно в том идеологическом импульсе, который исходит от искренних апологетов трезвости. Искренних апологетов!

Ввиду актуальности для нас проблемы «борьбы за трезвость», остановимся на ней подробно. В том числе – и на облике неистовых российских трезвенников.

«СУХАЯ» ТЕМА

Не могу не привести одни очень интересные воспоминания, имеющие прямое отношение к нашей теме.

Летом 1990 года мне случилось побывать на так называемых «Днях славянской культуры», проводившихся на открытом воздухе, в сосновом бору на берегу чудесного

уральского озера Тургояк. Какие это были времена, думаю, многим известно. Страна стояла на перепутье, в национальных республиках бузили сепаратисты, в крупных городах на улицы повылазили всякие неформалы, вступающие друг с другом в жаркие дискуссии, и даже в недрах ЦК четко обозначились сторонники либеральных реформ и яростные защитники «социалистических завоеваний». Глава государства метался между теми и другими, не в силах открыто занять чью-либо позицию.

На местах разные ответственные товарищи также пребывали в неловком ожидании развязки. Своей печенкой, конечно, многие из них вполне ощущали грядущие перемены, но некоторые из них питали надежды на инициативу так называемых «патриотических сил», выступивших с резким неприятием прозападного курса потенциальных реформаторов. «Патриотические силы» по своему идейному составу оказались весьма многоликими, но все же их объединяло одно – стойкое неприятие западных ценностей и либеральных реформ. Как раз они – во всем своем многообразии – были представлены на упомянутых «Днях славянской культуры». Ясно, что никакому либералу не пришло бы в голову организовать нечто подобное. «Славянская культура», всякие там национальные темы – это любимый конек наших «патриотов». Я бы даже сказал – «патриотов по призванию и профессии».

Короче, на берегу озера Тургояк собрались эти самые «патриоты» из самых разных городов страны. Больше всего, конечно, - из Москвы. Публика и в самом деле была весьма многолика: «православные» монархисты, просто «православные», просто «русские патриоты», патриоты советские, а также ярые сталинисты, рериховцы, ивановцы, защитники архитектурных памятников и борцы за здоровье нации, члены общества «Память» и члены компартии... В общем, «белые» и «красные», христиане и «язычники» разместились в палатках среди сосен, прямо на берегу, у самой воды (очень чистой воды, надо сказать).

Одной весьма примечательной чертой стало то, что громче всех на этом народно-патриотическом съезде заявляли о себе так называемые борцы за «народную трезвость». Если кто помнит, «трезвенники» были тогда основным ферментом «народно-патриотического» движения (которое основательно курировалось дяденьками из КГБ). Судя по всему, реальный ход горбачевской антиалкогольной реформы их устраивал не очень, поэтому самые неугомонные борцы из этой славной когорты решили давить зеленого змия даже в рядах своих собратьев-патриотов. Иными словами, ребята ни на минуту не прекращали своей агитации – хоть в городе, хоть в лесу, хоть в автобусе. Мне это было особенно смешно, поскольку организаторы данного съезда – некие патриотические литераторы из Челябинска, - каждый вечер устраивали попойки в отдельном маленьком закутке, среди плотных зарослей ивняка, выходя оттуда по утрам в состоянии сильного бодуна. Но речь сейчас не о них (это так, всего лишь маленький штрих к теме). Речь именно о «трезвенниках». Точнее – о «борцах за трезвость», поскольку «трезвенники», в нашем случае, - не просто люди, воздерживающиеся по каким-то причинам от алкоголя. Нет, это именно борцы в настоящем смысле слова, принципиально не готовые мириться с тем, что кто-то из числа их соотечественников позволяет себе (именно что «позволяет») прикасаться к спиртосодержащей «отраве» - водке, вину, пиву.

Борьба за «спасение» соотечественников от погибельного зелья обычно велась по такой схеме. Наш борец заводил с вами как бы пространный разговор на тему праздников. Диалог выглядел следующим образом:

- Вы какие-нибудь праздники отмечаете? – спрашивал «трезвенник» своего собеседника.

- Ну да, отмечаю – отвечал тот.

- И что, небось шампанское пьете, правда?

- Да, пью. Бывает.

- А вы в курсе, как это шампанское влияет на ваш организм? Вы же себя отравляете! Отравляете! Скажите: зачем?

- Да бросьте вы, какая еще отравка! Я же не злоупотребляю!

- Нет-нет! Этим вы только себя успокаиваете. Вы знаете, что от одного бокала могут происходить необратимые изменения в мозгах? Любое количество спиртного – это уже прием яда. Понимаете? Это яд, яд!

- Мне все-таки кажется, что вы преувеличиваете.

- Да вы просто не знаете правды! Есть серьезные научные исследования, которые показывают, как на самом деле на нас влияет алкоголь. Умеренное потребление – это все обман! Алкоголь – это яд в любых количествах! Он не только на вас отражается, но и на ваших потомках. Понимаете?

- Да вы знаете, сколько людей пьют шампанское по праздникам? По-вашему, они все себя травят, они все больные?

- Вы, я вижу, не понимаете, что губите себя. Я же вам рассказываю о необратимых изменениях! И многие люди на самом деле себя тоже травят.

- А как быть с известными людьми? Они тоже были больными?

- Ну, во-первых, про известных людей нам много чего врут. Специально врут, чтобы нас ввести в заблуждение, чтобы мы тоже пили вот эту отраву. А на самом деле все было не так. А во-вторых, некоторые известные люди как раз этим себя и сгубили. Понятно?

- И что вы мне хотите доказать? Хотите, чтобы я перестал отмечать праздники?

- Вы должны отказаться от вредной привычки. Вот вы считаете, что это удовольствие, а это на самом деле самоуничтожение. Потому что шампанское - яд, и вообще весь алкоголь - яд! А вы не только пьете эту отраву, а еще своим детям показываете пример, чтобы они тоже начали этот яд принимать...

- Послушайте, а не пошли бы вы...

Обычно, именно на такой ноте и заканчивались подобные диалоги. Устав от навязчивости «трезвенника», собеседник просто «посылал» его куда подальше. Иногда – очень эмоционально. Но наших борцов данное обстоятельство ничуть не смущало.

Кроме душевных бесед они практиковали всевозможные публичные проповеди, выдаваемые за «разъяснительную» работу, за «просвещение». Однажды мы выехали на автобусе в Миасс. Когда я вошел в салон, там уже всю проповедовал молодой «трезвенник». Предметом его осуждения опять стало распроклятое шампанское: «Вы знаете, как оно получается? - во весь голос заявлял этот самоуверенный юноша, - Там бактерии едят сахар, а потому пукают и писают. Пукают и писают! А мы потом это пьем и говорим: ах, как вкусно! Ах, шампанское! А чего тут вкусно? Это же бактерии напугали и написали!».

Тут неожиданно ему на поддержку вызвался молодой «ивановец». По примеру своего учителя – Порфирия Иванова - он бегал по лесу в одних трусах. И в таком виде, в одних трусах, он отправился в город. «Да-да, - подхватил он, - они пьют писы от бактерий. Те написали и напугали, а они писы пьют! Спирт – это писы бактерий!».

Обращает на себя внимание не то, что борцы за «народную трезвость» пытались использовать (неосознанно, разумеется, – чисто по инерции, от своих старших наставников) методы НЛП (нейролингвистического программирования). Надо сказать, что именно НЛП стало в конце 1980-х довольно модным методом «лечения» от алкогольной зависимости, преподносимым со стороны представителей «народно-патриотического» крыла в качестве самого радикального и супернадежного средства. Преподносилось оно исключительно как наша, «отечественная разработка». Один такой «целитель» в порыве патриотического энтузиазма даже называл сию методику «русским психоанализом». То, что за этим методом маячили секретные программы «конторы», для меня вполне очевидно. И само трезвенническое движение – в его упомянутом радикально-сектантском выражении – в какой-то степени есть тоже продукт «конторы». Хотя это уже совсем другая тема. Здесь нас интересует то, как сами трезвенники относились к спиртному. Точнее – как они интерпретировали роль спиртных напитков, как определяли их пагубность. Ведь примечательно то, что главным злом была признана даже не водка, а именно «вкусные» спиртные напитки. Прежде всего – вино и все то же шампанское. Вообще, легкий алкоголь, как я успел заметить, вызывал у этих деятелей особое озлобление. Трактовали они его не иначе, как основной путь вовлечения народа в пьянство.

Пожалуй, самым ярким выразителем этой идеи был один из признанных мэтров трезвеннического движения - академик Владимир Жданов из Новосибирска. Он тоже присутствовал на упомянутом патриотическом съезде, где прочитал развернутую лекцию о разрушительной роли еврейства («сионизма» - в его терминологии), связав ее, конечно же, и с

политикой «спаивания» русского народа. Случилось так, что в Новосибирск мы возвращались в одном купе. С ним было еще несколько единомышленников – тоже убежденных трезвенников, успевших, зачем-то, пройти вот те самые курсы по избавлению от алкогольной зависимости. Для новосибирских «национал-патриотов», к слову сказать, данный курс был тогда чуть ли не ритуалом посвящения. Единственный, кто в этой компании не разделял трезвеннических убеждений, оказался, как вы поняли, ваш покорный слуга. Естественно, я понимал, с кем имел дело, но как-то ненароком позволил себе обнаружить в алкогольном вопросе вопиющую «несознательность». На словах, конечно же.

Произошло это так. Академик Жданов выложил на стол горку вареных раков. И надо же было меня угораздить (совершенно непреднамеренно) высказаться в том духе, что, мол, неплохо бы сейчас к этим ракам свеженького пивка...

Товарищ Жданов, как вы могли понять, тут же пресек мои нехорошие мысли. «Пиво, - произнес он мне наставительным тоном, - жиды придумали! Понял?». Он так и сказал: «жиды». Мне не хотелось вступать с ним в дискуссию, хотя связь между «жидами» и пивом показалась мне любопытной. Короче, как нетрудно догадаться, пиво, будучи крайне «вредным» изобретением, и не могло - в его патриотической интерпретации - иметь иного происхождения, кроме как от «жидов». И понятное дело, сие изобретение предназначалось если и не на погибель всему человечеству, то уж точно на погибель русскому народу. Тут уж вне всяких сомнений. Через свеженькое пиво, дескать, народ-то и приобщается к алкогольной заразе. Вначале, значит, пиво, потом – вино, а там уж и до водки недалеко.

Отдельное слово - про вино. Антиалкогольные лекции академика Жданова я впервые услышал еще в 1986-м году, в магнитофонной записи. Там-то он и раскрыл коварную сущность вина. По его словам, несознательные родители иной раз по праздникам разрешают своим детям-подросткам попробовать немного легкого винца, считая, что в том нет большого вреда, поскольку вино – напиток слабенький. Вот в этом-то, заявлял наш академик, и заключается первый шаг к спаиванию подрастающего поколения: попробовав алкогольную «отраву» в легком варианте (вино), дети, подрастая, переключаются де на водку. Ну а там уже начинается настоящая алкогольная зависимость. Поэтому, делает вывод товарищ Жданов, запрещая продажу спиртного, прежде всего нужно начать именно с вина. А потом уже дойти и до водки.

Собственно, в этом заключается суть всей «трезвеннической» позиции. Вред, якобы, - в «градусах», особенно в тех, что слишком приятно проходят в нутро. В приятном прохождении и находится якобы главный соблазн и искушение для народа. Ведь, как они пытаются нас уверить, алкоголь в любых пропорциях – «яд и необратимый вред» для организма.

Нетрудно догадаться, что горбачевская антиалкогольная реформа стала развиваться под идеологическим влиянием именно этих товарищей, у которых нашелся влиятельный единомышленник в лице секретаря ЦК КПСС Егора Кузьмича Лигачева – инициатора вырубки крымских и кубанских виноградников. Если вас интересует, чем диктовалась эта бредовая инициатива, то диктовалась она именно приведенным умозаключением насчет вовлечения людей в пьянство через легкие спиртные напитки. Виноградная лоза в данной схеме оказалась зловещим символом, подобно дьявольскому соблазну.

Напомню, кстати, что борьба с пьянством в самом начале, еще на стадии обсуждения в самых верхах (о чем позже рассказал сам Михаил Сергеевич) предполагала два варианта. Кроме радикального наступления на спиртные напитки и проповедей «трезвого образа жизни» предполагался еще и вариант воспитания «культурного питания». А «культурное питание», со своей стороны, предполагало выпуск качественных вин и вообще – качественных спиртных напитков. Однако, как мы поняли, верх одержали именно радикалы. Разумеется, их вариант не дошел до логического завершения (то есть до «сухого закона», полного запрета на производство и продажу спиртного), тем не менее, этого хватило, чтобы тему «культурного питания» полностью заглушить. И не просто заглушить, но и выставить в самом неприглядном виде.

В принципе, победа радикального варианта удивления не вызывает. Какова власть – таковы и решения. Ведь вырубать виноградники намного проще, чем повышать качество жизни, бороться за общее повышение бытовой культуры народа. А уж тем более – наладить массовый выпуск качественных спиртных напитков вместо спиртосодержащей бурдашки,

которой миллионы советских забулдыг заливали глотки еще со времен дорогого Леонида Ильича Брежнева.

Но главная проблема даже не в этом, а в том, что сама трезвенническая идеология крепко тогда влетела в сознание немалой части вполне себе добропорядочны интеллигентов, принявших ее как величайшее откровение (о да – откровение, не иначе!). Как и положено всем фанатичным адептам, они ничуть не смущались по поводу того, что их назойливая и, как они полагали, «бескомпромиссная» (а на деле - тупая) пропаганда «трезвости» приводила к забавным казусам и нелепостям. В самом деле, если даже само слово «вино», внесенное в позитивный (или просто привлекательный) контекст, способно де возбудить нездоровый интерес к спиртному (со всеми жуткими социальными последствиями), то как тут быть с классиками русской и зарубежной литературы? Ладно, что из любимых кинолент стали вырезать некоторые эпизоды (а иные фильмы вообще запретили к показу – как «Иронию судьбы»), так ведь пришлось бы взяться за многочисленные литературные произведения, включая и те, что входили в школьную программу.

Помните из «Евгения Онегина»: «Вошел – и пробка в потолок, вина кометы брызнул ток»? Это мы учили уже в восьмом классе. Разве не вызывается здесь «нездоровый интерес» к спиртному? Если уж проявлять в вопросах воспитания трезвого образа жизни последовательность, то знаменитое произведения классика пришлось бы либо подвергнуть цензурной правке, либо вообще исключить из школьной программы. А как быть с Гоголем, Тургеневым, Чеховым, Куприным, Гиляровским? Как быть с Диккенсом, Александром Дюма, Вальтер Скоттом? Изъять из школьных и публичных библиотек? Там ведь такой соблазн, что слюнки текут.

Приведу в этой связи такую забавную историю тех лет. Разгар антиалкогольной компании пришелся как раз на время моей учебы в выпускном десятом классе средней школы. Так вот, среди наших учителей оказались некоторые ярые сторонники трезвеннической идеологии. Не могу судить, были они искренни в своих убеждениях или просто, в силу коммунистической сознательности, активно проводили линию партии. Не исключено, что «просветительская» деятельность яростных борцов за «народную трезвость» тоже давала свои результаты. Так вот, не помню уже повод, но как-то нам стали рассказывать о губительной силе спиртного. Как вы уже догадались, речь шла о том, что даже бокал шампанского производит «необратимые изменения» в мозгу... Естественно, пытливые десятиклассники тут же сослались на пример великого гения всех времен и народов – Владимир Ильича Ленина, который, вроде как, новогодние праздники отмечал с фужером шампанского.

Что мы услышали в ответ? Вы удивитесь: оказывается, такие фильмы снимали тайные враги нашей социалистической Родины, создавая в нашем сознании «неправильный» облик Вождя! Вождь де никакого спиртного никогда не употреблял. Никакого! Ни вина, ни пива, ни (конечно же) водки. Мало того, сам якобы был активным борцом за трезвый образ жизни и специальным декретом запретил производство алкогольной продукции. То есть ввел «сухой закон» (что, действительно, имело место быть).

В общем, «Ленина не трожь!!!». Эту красивую байку про абсолютное воздержание Вождя от всякой спиртосодержащей продукции, конечно же, распространяли в своих лекциях проповедники вроде академика Жданова. Они же запустили версии насчет «тайных антисоветчиков» в художественной среде, будто бы сознательно формирующих ложные образы (для «совращения» советского народа в пьянство, конечно же). Академик Жданов, помнится, открыто говорил о том, что в нашем прокате ходят «антисоветские» фильмы, на кои стоит обратить внимание соответствующим органам. Ну и, понятное дело, есть и просто «несознательные» художники, создающие опасные для народного благочестия произведения – вроде автора «Иронии судьбы». Впрочем, при более детальном рассмотрении такой вот «несознательный» художник – в рамках «народно-патриотической» интерпретации – мог запросто превратиться в тайного агента «мирового сионизма». Подобные оценки в ту пору еще не набрали силы, однако уже начинали получать распространение в узких, так сказать, «народно-патриотических» кругах.

Я думаю, общую эмоциональную и психологическую атмосферу тех лет вы уловили. Дальше произошло вот что. Кто из нас учился в советской школе, тот, наверное, помнит, что в десятом классе – весной, накануне Дня рождения Вождя и так называемого «Ленинского зачета» - на занятиях по литературе проводился открытый урок по книге Мариэтты Шагинян «Четыре урока у Ленина». Понятно, каждому из нас было нужно прочесть данное произведение. Очень важное – с идеологической точки зрения – произведение!

И вот я, ученик десятого класса, читаю эту книгу. И что я там узнаю? Не верю своим глазам: Владимир Ильич, этот якобы «убежденный трезвенник», очень любил... баварское пиво!!! Пишет Мариэтта Шагинян! Ну вот что я должен был подумать? Либо пиво – напиток безвредный и дозволительный для советских граждан, либо уважаемая писательница – «тайная антисоветчица», сознательно искажающая образ Вождя во имя вовлечения советского народа в пьянство. Понятное дело, придя в школу, я поделился своими сомнениями, процитировав соответствующий фрагмент столь идеологически выверенного произведения. Что было дальше? А дальше в число «антисоветчиков» записали (естественно) меня, огласившего сей неудобный факт! Другого выбора у педагогов не было.

К настоящему времени эта идеологическая эпидемия вроде бы отступила. Хотя нельзя исключать, что имеет место только затянувшаяся ремиссия. Сами бациллы никуда не делись и время от времени прорываются наружу. Причем не только на уровне отдельных шизанутых активистов, продолжающих свою «борьбу» на местах своего постоянного пребывания. Иной раз бред вылетает из уст вполне себе статусных товарищей. Не так давно бывший (слава Богу!) санитарный врач Геннадий Онищенко, печально известный своими идиотскими инициативами, выдал умопомрачительную сентенцию про грузин, достойную внимания профессиональных психиатров. Дескать, виноград - этот «божий дар» - они (о, ужас!!!)... превращают в вино! Вот так!!! «Вы представляете, какое кощунство! - возопил наш страж национального здоровья, - Виноград – в вино!!!». Как мы понимаем, на языке господина Онищенко и его сторонников слово «вино» тождественно слову «отрава». И вот надо же – грузины делают эту «отраву». Все мировое виноделие должно быть в шоке! В пору посыпать голову пеплом французам, итальянцам, испанцам, португальцам, немцам, болгарам, венграм, румынам, молдаванам, австрийцам, чехам, американцам, австралийцам, чилийцам, аргентинцам, китайцам и даже японцам. Сотни стран и народов быстро оказались в числе «кощунников». Как вы думаете, легко следовать такой идеологии, не выходя за рамки здравого смысла? То-то и оно.

К чему я здесь клоню? К тому, что российское движение борцов за «народную трезвость» - это не вызов пьянству и алкоголизму. Нет – это вызов реальности, это борьба с реальностью ради высосанных из пальца идеалов. Во имя чего? Исключительно во имя власти и морального торжества самих адептов сей надуманной идеологии. Вы не отыщете здесь ни малейших апелляций к разуму, к здравому смыслу. Радикальный подход к проблеме для определенного склада ума, для определенных личностей как раз тем и привлекателен, что он способен вызвать нешуточную эйфорию, слепую веру в собственную значимость и обладание некой выдающейся истиной, дающей тебе моральное право судить, осуждать, наставлять и исправлять. Ты был никем, и вдруг ты – «спаситель» целого народа! От такого самомнения реально кружит голову. И некоторые борцы за трезвость настолько начинали терять берега, что буквально впадали в состояние, сходное с легким наркотическим опьянением. Это типичное состояние адептов тоталитарных сект, и наше трезвенническое движение изначально было именно сектой, претендующей на безусловный моральный авторитет в российском обществе.

Несколько лет назад у меня была дискуссия на областном радио с одним таким адептом. Его «аргументы» в пользу своей позиции мне были хорошо известны заранее: любое спиртное – это «яд», действующий «необратимо» на человеческие мозги и другие органы. Понятно, тут же появлялись ссылки на неких анонимных ученых, на какие-то там «исследования». В общем, ничего нового не было – до боли знакомые затасканные приемчики НЛП из подержанного арсенала советской гэбни. Интересным было другое. После передачи мой собеседник – а это был обычный скромный преподаватель-гуманитарий пожилого возраста - раскрыл передо мной суть своей «миссии». Дескать, когда он осознал пагубность спиртного, он понял, в чем

состоит его призвание – бороться за «спасение» нашего народа. Вот так – бороться за «спасение»! Не больше, не меньше! То есть ходит на работу такой вот скромненький дяденька, с восторгом осознающий свою выдающуюся историческую роль в современном мире.

Когда я ему пояснил, что человечеству уже являлся Спаситель, дяденька ничего не ответил – он оказался атеистом. В этой связи я тут же живо вообразил, как бы он прокомментировал чудо Христа на свадьбе в Кане Галилейской, когда вода была превращена в вино. Мне, пожалуй, тяжело было бы услышать, будто этот новозаветный эпизод свидетельствует о «жидовской» идеологической диверсии, связанной с вовлечением христианских народов в алкоголизм. Но я вполне допускаю именно такой поворот мысли в голове любого борца за «народную трезвость», тем более (как я успел заметить) многие из них либо откровенные атеисты, либо романтические «язычники». Есть, конечно, и «православнущие» сталинисты. Хотя мнение последних относительно лояльного отношения Церкви к вину остается для меня тайной за семью печатями. Помню, как на упомянутом съезде славянских патриотов публицисту Михаилу Антонову – человеку, как известно, верующему и воцерковленному – пришлось буквально оправдывать перед трезвенниками обряд причастия, объясняя им, что де разбавленная водой ложечка кагора содержит совсем-совсем ничтожное количество спирта, так что урона организму тут никакого (типа, вы уж там, собратья, не подумайте ничего плохого...).

Короче, переход к радикальной борьбе за «народную трезвость» - это не выбор варианта действий по решению проблемы. Речь идет о выборе веры, выборе религии... Буквально, в прямом смысле. Здесь сомнений нет. Борец за «народную трезвость» - это не тот, кто решительно отказался от потребления спиртного (любого). Это тот, кто поставил своей целью обратить других в свою веру. Если не получится обратить людей добровольно, то наш борец не побрезгует и мерами принуждения (в том случае, конечно же, если они у него будут). Оправдание он всегда найдет, будьте уверены.

Однако нас в данном случае интересует не моральный облик самозванных «спасителей» народа, и даже не их интеллектуальный уровень. Нас интересует навязчиво декларируемый ими подход к спиртным напиткам (не к пьянству, а именно к спиртным напиткам). Как ни парадоксально это звучит, их восприятие спиртного по сути своей мало чем отличается от восприятия закоренелых питухов. Разнятся только оценки. Но суть (подчеркиваю – суть!) остается неизменной.

В самом деле, что видит в спиртных напитках человек, который сосредоточен исключительно на опьянении? Правильно – он видит в них «градусы» и ничего больше. Любой забулдыга, как мы знаем, ранжирует спиртные напитки исключительно по этому параметру. Другое его не интересует. Не важно – пиво, вино, водка, коньяк, шампанское. Он и обычный одеколон, как мы уже упоминали, может поставить с ними на одну доску, если нет ничего другого. Но ведь и у трезвенников кроме «градусов» на уме ничего нет. Им так же – что пиво, что вино, что водка, что коньяк, что шампанское. Всё это для них – лишь «спиртосодержащие» жидкости. Ничего другого они в них не усматривают, и усматривать не хотят из принципа. Из принципа! Если в них есть спирт, значит – «отрава». Даже кефир и кумыс иной раз попадают под подозрение. Как-никак – процент-полтора спирта там имеется. И для трезвенника, как ни крути, также возникает дилемма: а вдруг это тоже... путь к алкогольной зависимости? Я здесь не шучу. Такие сомнения от этих борцов лично мне выслушивать приходилось. Надо, мол, рассмотреть вопрос с кефиром, а то мало ли...

Разумеется, при такой постановке вопроса всякие варианты «культурного питья» отменяются напрочь. Ибо пить «культурно», в понимании убежденного борца за трезвость, не просто означает «необратимое отравление» организма. Для идеолога трезвости, как мы говорили, это есть коварный путь вовлечения в пьянство. Начинаете де с сухого винца – заканчиваете водкой. Больше всего идеологов трезвости раздражает попытка создать вокруг спиртных напитков какие-либо приятные ассоциации. Как можно в красивом свете представлять «отраву»? – вопрошают они. «Отраву», на их взгляд, всегда нужно выставлять именно как «отраву», как яд, как угрозу организму. Чтобы ни у кого не возникло соблазна даже просто попробовать. Ведь достаточно немного глотнуть, а дальше – всё, начнется

трагическое нарастание количества приема внутрь. По-другому, считает трезвенник, никак не получится. Начал по-маленькому, а закончил запоем. Так что, по их представлениям, лучше вообще никак. И никакой золотой середины, никакого разумного, «культурного» варианта здесь якобы нет и быть не может. «Культурный» вариант, дескать, - это всего лишь иллюзия. Или того хуже – способ коварного обольщения нашего народа со стороны непримиримых врагов (включая, конечно же, и подлых «жидов»).

Нетрудно заметить, что подобная дилемма – либо ни грамма, либо пьянство до потери сознания – возникает исключительно перед закоренелыми пьяницами, коих обстоятельства иной раз вынуждают слегка задумываться о своей жизни. Если забулдыга, что называется, решил «завязать», то ему волей-неволей придется воротить нос от любого спиртного – и от пива, и от вина, и от водки. Во время праздничного застолья такой «исправляющийся» пьяница пьет только сок или чай. Если он позволит себе бокальчик сухого вина, то возникает большая вероятность, что это станет для него своего рода пусковым крючком к «развязке», к вхождению в запой.

Борцы за трезвость, таким образом, перенесли ту же схему на все наше общество. Русский народ для них, по определению – такой вот коллективный забулдыга, коего эти самозванные «спасители» стремятся тотально огородить от алкогольных соблазнов. Нюансов они не приемлют, что весьма характерно для людей с тоталитарным сознанием. Подобный чисто сектантский ригоризм обставляется, конечно же, всевозможными псевдонаучными и мнимо рациональными доводами. Псевдонаучные доводы мы уже затронули. Сюда относятся упомянутые выше заявления насчет «необратимого» воздействия на организм любой дозы алкоголя. Спорить с такой «аргументацией», ввиду ее очевидной безапелляционности и демагогичности, бессмысленно. Сие есть набор догматов, принимаемых исключительно на веру.

Несколько иной оборот принимает мнимо рациональная аргументация. В частности, речь идет о том, будто русский народ в силу своего сугубо «северного» типа потребления спиртного якобы не может – подобно южным народам из традиционно винодельческих областей – безопасно пить легкие спиртные напитки. Дескать, бессмысленно нам равняться на французов и итальянцев, ежедневно сопровождающих трапезу виноградным винцом. Действительно, южные народы, имеющие многовековую винодельческую традицию, пьющие вино как совершенно безобидный напиток (и не имеющие при этом ужасающей статистики относительно массовой алкоголизации), совершенно ломают стройную трезвенническую «теорию». Против очевидности грести трудно, ибо именно страны с «южным» типом потребления спиртного опровергают высосанные из пальца тезисы насчет того, будто легкие спиртные напитки есть путь массового вовлечения подрастающего поколения в погибельное пьянство. Как ни странно, но опыт традиционно винодельческих стран показывает, что как раз в сельской местности, где в обычае пить вино чуть ли не с детства, с алкоголизмом сталкиваются крайне редко. А равно и с сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями.

Выходит, вино ничуть не «отрава», если оно органично вписано в национальную культуру потребления. Думаю, о так называемом «французском парадоксе» слышали многие. Данный феномен, как известно, был обнаружен в самом начале 1980-х. На американскую публику он произвел достаточно сильное впечатление. С тех пор рядовые американцы, озабоченные профилактикой болезней сердца (а США по этим заболеваниям находятся в лидерах), стараются регулярно выпивать по бокальчику красного сухого вина. Это, кстати, положительно сказалось на популярности сорта Мерло, из которого стали массово изготавливать недорогие красные вина на каждый день.

Разумеется, на российских борцов за трезвость подобная аргументация не действует. И те их них, которые оставили затею перечить известным фактам, предлагают иной довод. Мол, Бог с ними – с французами, итальянцами и греками. Русские де – нация «нордическая», с «северным» типом потребления. И наша генетика, дескать, под виноградное вино никак не выстроена. Потому для нас это будет яд однозначно. И конечно - вовлечение в тяжелый алкогольный угар. Короче говоря, что французу – хорошо, то русскому, вроде как, – смерть. На том наши «спасители» и порешили. Мало того, свою позицию они иллюстрируют как раз

примером северных европейских стран – Финляндии, Швеции и Норвегии, - где, как известно, давно уже воюют за «народную трезвость» на самом высоком государственном уровне.

Учитывая некоторую убедительность (на первый взгляд) указанного довода, стоит на нем остановиться специально. И особенно разобрать пример упомянутых стран, где, действительно, «сухая» тема получила свое политическое развитие.

Зададимся простым вопросом: почему на Западе трезвенническое движение набрало силу в протестантских странах? Связано ли это с некими «нордическими» генами, плохо совместимыми с алкоголем? А как быть с США, где под влиянием трезвенников в начале 1920-го года был принят печально известный «сухой закон»? Нет ли связи между трезвеннической идеологией и протестантизмом? Скорее всего, главная причина в том, что трезвенническое движение, как было отмечено выше, пронизано тем же духом самовольного мирского миссионерства, который отличает протестантские конфессии и секты. Точнее - склонностью адептов из числа мирян (именно мирян!) рядиться в апостольские тоги и навязывать обществу свой неукротимый миссионерский пыл. Выходит к вам такой вот самозванный «апостол» и начинает капать на мозги какой-нибудь душеспасительной проповедью. Так называемая «борьба за трезвость» зиждется на том же нравственно-психологическом фундаменте.

Неуемное желание поучать и наставлять, повышая тем самым представление о собственной значимости, - вот что лежит в основе подобной практики. И трезвенническое движение на Западе, по сути, возникло как производное от всяких евангелических и тому подобных движений, где религиозная инициатива исходит не столько со стороны церковных институтов, сколько от идейно одержимых харизматиков, совмещающих свою миссионерскую работу с обычной гражданской активностью на политическом поприще. Уж если такой мирянин истово включается в борьбу за спасение душ своих соплеменников, то борьба с зеленым змием напрашивается тут сама собой. А учитывая невротический характер подобных персон, радикализм в таких вопросах совершенно неизбежен.

Впрочем, надо сказать, что западное трезвенническое движение далеко не полностью было представлено радикалами. Так, среди американских борцов с пьянством было немало сторонников умеренного потребления спиртного – аналог нашего «культурного питья». В XIX веке в США вино нередко рассматривалось как лекарство и даже использовалось в таком качестве в лечебной практике. Однако, как мы понимаем, в любом деле всегда находятся неуемные активисты, доводящие любое хорошее начинание до абсурда. В Америке появились свои фанатики «сухого закона», в каком-то смысле – точные предшественники российских трезвенников. Сходство обнаруживается как в изобретении нелепых утверждений по поводу особого воздействия спирта на организм (будто пьяницы реально могут «сгореть» изнутри синим пламенем), так и в отношении легких напитков, в частности – вина. Понятное дело, вино было объявлено средством вовлечения в пьянство. В этой связи обструкции подверглись «несознательные» врачи, назначавшие пациентам вино в качестве лекарства. Естественно, не обошлось и без специальных трезвеннических интерпретаций Священного Писания. Как «выяснилось», то, что в Библии называется «вином», было вовсе не вином в известном значении, а перебродившим... виноградным соком! А раз так, то и причащаться тоже предложено было виноградным соком.

В общем, самозванных «апостолов» хватало и хватает везде. Не только у нас. Вы, наверное, спросите: как же так, какой такой «сектантский дух» может быть в нашей «православной» стране? Откуда?

Тут нет ничего удивительного, учитывая, что в России даже самые яростные защитники православия (в их собственном понимании) всегда скатывались на радикально-сектантские позиции. Если бы радикальные староверы смогли реализовать свои безумные идеи (подключив сюда, естественно, всю мощь государственной системы – ради чего они настойчиво «охмуряли» самодержцев), то единственным напитком для русских людей стала бы, наверное, обычная вода. Полубезумный протопоп Аввакум укорял своих последователей даже за пристрастие к квасу. Про мед, пиво и брагу можно и не говорить. Чем не сектант? И вообще, по размаху реальных сектантских движений историческая Россия спокойно переплюнет ту же Америку. И что было в головах тех же староверов и разных там духоборов, бегунов, хлыстов и скопцов – догадаться не сложно. Чем больше претензий на «спасительную»

роль – тем выше недоверие ко всему тому, что так или иначе скрашивает нашу земную жизнь. Спиртные напитки, как мы знаем, сопровождают человека в течение тысячелетий. И любой фанатик, прилагающий к земной жизни некие отвлеченные «идейные» критерии, будет бороться за абсолютный отказ от спиртного хотя бы из стремления подчеркнуть свою «нетривиальность». Данная черта как раз ярче всего характеризует психологию, душевный настрой типичных сектантов. Дескать, вот вы там шампанским наслаждаетесь, а ведь это того – греховный соблазн, уступка злу. Во как!

Не нужно и семи пядей во лбу, чтобы понять простую истину: наши борцы за трезвость не ставят задачи одолеть пьянство как социальную проблему. Их истинные цели – использовать эту проблему в целях собственного самоутверждения. Все их стандартные (и всегда предсказуемые) доводы – поток назойливой демагогии, замешанной, как я уже говорил, на топорно сляпанных приемах НЛП. Никакого рационального зерна в дискуссиях с этими людьми не может быть в принципе. И дискутировать с ними не только бесполезно, но и опрометчиво. Подобные споры только дают им повод заняться собственной миссионерской агитацией, которая, по существу своему, ничем не отличается от проповедей религиозных миссионеров.

Нашим трезвенником нужна, собственно, не трезвость, а адепты – всё новые и новые адепты. Ведь вопрос - в их постановке - идет вовсе не о том, чтобы вы просто оказались от спиртного. Главная задача – чтобы вы продолжили нести полученные «откровения» другим людям, проявляли абсолютную нетерпимость к спиртному и капали на мозги всем тем, кто его употребляет. Причем (заметим еще раз) совсем не важно, в каких количествах другие люди выпивают и что конкретно они выпивают – балуются ли они пивком, смакуют дорогое вино или хлещут водку. Тут для адепта трезвости всё едино. Мозги он обязан полоскать всем подряд. Исходящие от них назойливость и занудство иной раз бывают совершенно невыносимыми. А если такой человек имеет толику власти, то она мгновенно выразится в каком-нибудь трезвенническом самодурстве.

Мне в свое время довелось поработать на областном депутатском радиоканале. Долгое время его главным редактором была яркая фанатичка трезвеннического движения. Естественно, среди рядовых сотрудников там тоже было несколько таких же фанатиков, использовавших эфирное время для полоскания мозгов радиослушателям. Однако это не значит, что весь коллектив состоял из трезвенников. Нет, далеко не весь. Мало того, среди работавших там журналистов были даже большие любители выпить. Однако (заметим), всем надлежало в присутствии главреда демонстрировать лояльность к ее трезвенническим выкрутасам. Иной раз через силу. Эта дама установила в редакции абсолютный «сухой закон» - в том смысле, что в ее присутствии считалось неприличным даже хорошо отзываться о спиртных напитках. Все «корпоративы» тоже проходили «всухую» - чай, соки, минералка. Все это создавало атмосферу какой-то наигранности, дешевой и бессмысленной постановки во имя дурацкой идеологии. Люди вели себя стесненно, зажато. И не потому, что им не давали «вмазать». В коллективе было несколько журналисток, не употреблявших спиртное не из убеждений, а в силу отсутствия интереса к нему. Но даже и они чувствовали неловкость именно из-за театральности такой атмосферы.

В самом деле, возникало ощущение, будто к тебе относятся как к малому ребенку. И другой атмосферы трезвеннический ригоризм не предполагал. Ибо, господа, традиция застолья вынесена веками, и когда такие вот фанатики идеи пытаются вам грубо навязать свои высосанные из пальца правила, ломающие традицию через колено, кроме дешевого фарса ничего не получается. Я к тому, что праздничное застолье предполагает непринужденность общения, что само по себе полностью исключает участие в спектакле, в котором надлежало изображать благопристойность и «высокие» принципы - на вкус начальствующей фанатички трезвеннической идеологии. Главред, со своей стороны, пыталась искусственно создать атмосферу душевного единения сотрудников, чего на самом деле не было и в помине. Из-за ее попыток брать на себя роль распорядителя праздника сходство с детским садом усиливалось еще больше: «А теперь Ванечка произнесет речь, а Катенька расскажет стишок, Петенька пусть споет...».

Представьте, что сделали бы со страной эти люди, дорвались они до абсолютной власти? У нас был бы один сплошной парад «трезвого» лицемерия и показного благочестия. В советские годы мы всего этого хлебнули по полной, но борцы за трезвость затмили бы и коммунистическую показуху. В этом смысле упомянутая редакция была такой вот маленькой моделью, где можно было наблюдать торжество «сухих» принципов. Сотрудники, как мы понимаем, втихую позволяли себе «расслабляться» так, как им хотелось. Однажды из-за этого у главреда случился сильный конфуз.

Дело происходило так. Как-то в начале «нулевых» несколько сотрудников в самом конце рабочего дня собрались в отдаленной комнатке отметить чей-то День рождения. Отмечали, страшно подумать, - водкой! Разумеется, с нормальной закуской. И надо же – в самый разгар кулуарного действия в редакции появляется главная начальница в сопровождении самого... Егора Кузьмича Лигачева! Как-то так вышло, что Егор Кузьмич, как очень редкий и очень уважаемый в данном месте московский гость, не мог выбрать иного времени, чтобы посетить радиостанцию, успевшую зарекомендовать себя идейным оплотом трезвого образа жизни. Вообще, появление главного редактора в столь поздний час было для сотрудников большой неожиданностью. Как правило, главреды советской закваски на работу приходили поздно, а уходили рано. И такой график воспринимался как норма. Но тут, как мы понимаем, было особый случай. Короче, главред вела московского гостя по опустевшему коридору, нахваливая своих сотрудников, верных (по ее словам) трезвеннической идеологии. И вот после таких слов она открывает дверь комнаты, где ее «идейные» подчиненные уже успели накинуть по рюмашке и готовились накинуть еще по одной. Как раз в столь ответственный момент, прямо на глазах у Егора Кузьмича, их и застучали...

В общем, вы уже поняли, какова была цена такой показухи. На практике слишком мало было фанатиков, желавших записываться в адепты трезвости. Из штатных сотрудников был только один упоротый журналист, начавший свою «борьбу за трезвость» еще в конце 1980-х. Несмотря ни на что, он непоколебимо «втирал» радиослушателям свою идеологию. Причем, как вы понимаете, не только в эфире. Параллельно (что и отличает истинного адепта) он вел неутомимую «разъяснительную» работу с коллегами и... с депутатами Законодательного собрания. Поскольку трезвенников вокруг нашего гуру больше не становилось, в его фантазиях зарождались самые радикальные варианты борьбы со злом. Время от времени они слетали с языка. Так, он начинал восхищаться радикальными исламистами, которые где-то на Кавказе взорвали пивной ларек. «Вот, вот как надо с этим бороться!» - заявлял наш эфирный борец и затем с каким-то сладострастием цедил сквозь зубы: «Ничего, ничего – у нас тоже так будет...». Но больше всего негодования вызывали у него народные избранники, совсем не вникавшие в его наставления. Как-то депутаты готовились к банкету по случаю завершения последней сессии. «Да чтоб они там напились и все сдохли! Воспитываешь их, воспитываешь, а все без толку...» - услышали мы от нашего рассерженного адепта. Насчет «воспитания» он не оговорился. В его понимании неутомимая «разъяснительная работа» была именно «воспитанием». Понятно: коль трезвенник играет роль «спасителя», то «спасаемым» автоматически уготована роль «детей», невзирая на их возраст и статус.

Я не случайно привел все эти забавные эпизоды. Они, в сущности, стали забавными именно в условиях маргинализации трезвеннического движения, никогда не отражавшего настроения большинства. В случае воцарения этих деятелей во власти большинство ничуть не изменило бы своим привычкам. Причем, лучше всего было бы именно забулдыгам, готовым вливать в себя любую гадость ради опьянения. Как я уже говорил в самом начале, человек, сосредоточенный исключительно на «градусах», готов перейти на любую спиртосодержащую жидкость, какой бы противной она ни была. И если говорить о существовании проблемы, то истинный результат «сухого закона» - не уменьшение числа пьяниц, а снижение качества выпиваемого пьяницами зелья, падение культуры питания.

Несложно понять, что «сухой закон» бьет, в первую очередь, не по пьяницам, а по приличным людям, для которых качество спиртного стоит далеко не на последнем месте. Приличный человек никогда не станет глушить суррогаты, в то время как забулдыге терять нечего – он может перейти и на одеколон, и на стеклоочиститель. Когда в нашей стране по указанию Егора Кузьмича вырубали виноградники Массандры, советские трудяги в поисках

экстаза поглощали всякую дрянь, какую им только удавалось сварганить. Ладно бы речь шла о самогоне. Здесь все-таки еще отдает традицией. А вот когда из всякого дерьма ставили брагу и потом ей же надирались до головокружения и рвоты, вот тут-то бы и впору подумать, кому «вредил» знаменитый мускат из Краснокаменки.

Схожая картина наблюдалась и в случае с американским «сухим законом». Я не буду сейчас говорить про мафию, про подпольную сеть продажи спиртного. Приведу лишь один забавный факт. Так, калифорнийские производители вынуждены были вместо вина торговать виноградным соком. Что они сделали: они стали помещать на этикетках «предупреждение» - мол, ни в коем случае не добавляйте в сок дрожжи и не ставьте его в теплое место, иначе сок превратится в вино. Надо ли говорить, что страждущие американцы хорошо понимали сей намек, скупая виноградный сок с целью превращения его в вино? О качестве такого «самопального» вина говорить не будем. Но факт остается фактом: желающий получить спиртное легко обходит законодательные преграды, полагаясь на Природу-матушку. Запретить производство и продажу спиртного не сложно. Запретить же алкогольную ферментацию невозможно.

Советские граждане, надо сказать, проделывали с виноградным соком те же фокусы: добавляли в банку с соком стакан риса и надевали сверху резиновую перчатку, постепенно надувавшуюся от выделявшегося углекислого газа. Это называлось – «Привет Горбачеву». О качестве опять же говорить не будем. «Самопал» он и есть «самопал». И в данном случае мы вряд ли можем считать переход граждан на такие самодельные напитки замечательным результатом антиалкогольной реформы. Качественные вина исчезли с прилавков, зато в квартирах появились «Приветы Горбачеву». Государевы мужи, вырубив виноградники, могли, конечно же, умыть руки и объявлять о собственных заслугах в борьбе с пьянством. Однако стали ли меньше пить на самом деле? Если кто-то и отказался от спиртного, так это были те, кто предпочел пить воду вместо «самопала». Забудыги, еще раз подчеркну, от своих привычек не отказались. И нужно быть неисправимым идиотом, чтобы верить в обратное.

На что здесь необходимо специально обратить внимание? Как я уже отмечал, радикальные борцы за трезвость оценивают вредность спиртных напитков исключительно по одному параметру – по наличию в них «градусов». То есть в их восприятии между упомянутым «самопалом» и мускатом из Краснокаменки принципиальной разницы нет. И то и другое для них – «отрава». Соответственно, между потребителями первого и потребителями второго они также разницы не усматривают. И те, и другие вроде как, «предаются пьянству». В принципе, это сильно напоминает отношение некоторых ригористов-морализаторов к половым отношениям. Для них любая половая связь – «грех» и «грязь» по определению. Не важно, идет ли речь о супружеской жизни или о развлечениях в борделе. Русская мысль, как известно, и здесь отличилась своей крайностью. Половую связь, якобы достойную только животных, осуждали такие корифеи философской мысли, как Владимир Соловьев, Николай Федоров, Лев Толстой. Мы уж не говорим о сектантах-изуверах вроде скопцов.

Трезвенническое движение демонстрирует такой же ригоризм в отношении спиртного. Если для одних все женщины разом превращаются в шлюх и носителей губительных плотских соблазнов, то для других все спиртные напитки разом превращаются в яд. Соответственно, автоматически признается, что каждый человек, соприкоснувшийся со спиртным, сделал это исключительно в силу каких-то дурных влечений. Трезвенник не делает принципиальных различий между забудыгой, заливающим глотку дешевой бормотухой, и приличным человеком, наслаждающимся хорошим вином. В его глазах они оба одержимы одной и той же губительной страстью. И разуверить трезвенника невозможно. Разницы он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ ПОНИМАЕТ!** Почему? Скорее всего, именно потому, что для него самого потребление спиртных напитков совсем не мыслимо без желания опьянения. Он, трезвенник, по-другому просто себе не представляет. И указанное обстоятельство характеризует его самого лучше всего: **трезвенник, в психологическом смысле, - это «завязавший» пьяница.** То есть человек, борющийся с собственной темной страстью и провоцирующий свой душевный конфликт на окружающих.

Совершенно удивительно, кстати, что забудыги не вызывают у трезвенника столько искренней злобы и ненависти, как сторонники «культурного питания». В забудыгах он видит

своих несчастных собратьев, коих он намерен «спасти». Тогда как ценители хороших вин и коньяков – это чуть ли не классовые враги, представители другого мира, непонятого и чуждого адепту безусловной трезвости. Собственно, удивляться тут не приходится. Ведь именно забулдыги и являются главной целевой аудиторией для борцов с пьянством. Что касается ценителей качественных спиртных напитков, то они, как мы понимаем, совершенно не нуждаются в их проповедях, а стало быть, вряд ли выкажут благодарность за «спасение». Поэтому в социальной плоскости борьба с пьянством со стороны трезвенников выражается не столько в борьбе за исправление реальных пьяниц, сколько в борьбе с позицией сторонников «культурного питания».

Все это я говорю к тому, чтобы у нас не было напрасных иллюзий по поводу реальных мотиваций адептов трезвеннического движения. Подчеркиваю, в первую очередь здесь идет вопрос о пастве, вопрос о вовлечении граждан в свою веру, в свою секту. Мало просто отказаться от выпивки. Как я говорил, надо еще поднять флаг борьбы за «народную трезвость». Надо еще полоскать людям мозги, вести с ними «разъяснительную» работу, доводить до их сознания величайшие «откровения». Причем, совсем недостаточно признать опасность любого спиртного напитка, «необратимо» действующего на человеческий мозг. Надо еще усвоить определенные «истины» начет политического аспекта алкогольной угрозы. Проще говоря – поверить в то, что пьянство в нашей стране является результатом заговора темных сил, старающихся де с давних времен извести наш народ. Без признания сего «откровения» в рядах трезвеннического движения вам и делать-то будет особо нечего. Ведь речь идет не просто о борьбе с пьянством – речь идет – ни много, ни мало, - о решении вопросов исторического значения! Причем – в глобальном масштабе – быть или не быть «великой стране»! И любой адепт должен осознавать данный масштаб своей борьбы.

Именно поэтому вы никогда не увидите в трезвенническом движении обычных вменяемых людей, не потребляющих спиртного в силу собственных, никем не навязанных предпочтений. Люди просто не пьют, но при этом никому не полощут мозги какой-либо идеологией. Никого не «спасают», никого не вразумляют, не делают внушений и назиданий.

Зато там полным-полно **бывших алкашей**, неожиданно «прозревших» после основательного общения с таким вот гуру. Естественно, они искренне выражают благодарность своим «спасителям», которая всегда соизмерима с уровнем нахлынувшего на них миссионерского энтузиазма. Упомянутое «прозрение», как мы понимаем, выражается не только в том, чтобы перестать бухать самому, сколько в том, чтобы посвятить себя борьбе за «спасение» остальных. Если этого миссионерского пыла нет, то бывший пьяница, как правило, рискует вновь взяться за бутылку. Лично я подобные вещи наблюдал неоднократно. Методика, используемая борцами за трезвость, тотально отваживает от спиртного лишь при условии упомянутого вовлечения адепта в борьбу за «спасение» других. Стоит ему ослабить свой «просветительский» пыл, отойти от пропаганды, а тем более – совершенно разорвать отношения со своими собратьями-единоверцами, как былой ригоризм тут же угасает. А дальше все зависит от ума и уровня культуры данного субъекта. Если он был вульгарным бухариком, то вполне может вернуться к своему пристрастию. Если же данного влечения изначально не наблюдалось, и человек просто по молодости увлекся модной в «народно-патриотических» кругах радикальной идеологией, то со временем он также отходит от радикализма, позволяя себе по праздникам бокал-другой сухого вина или шампанского (и заметьте – без всякого риска пойти по наклонной!).

Полагаю, совсем не удивительно то обстоятельство, что фанатичные трезвенники достаточно лояльно относятся именно к забулдыгам, видя в них не только потенциальную смиренную паству, но и в определенном смысле (не удивляйтесь) **своих единомышленников!** А как иначе? Ведь в рамках трезвеннической парадигмы (умно выражаясь), признаются только два состояния – либо пьяный разгул, либо абсолютное воздержание. Чего-то третьего – в виде «культурного питания» - не признается. Точнее, то, что мы считаем третьим состоянием, для трезвенника – лишь переходный этап от трезвости к полной алкогольной гибели. Поэтому, если вы относитесь к категории умеренно пьющих (или «культурно» пьющих) и отказываетесь пересмотреть свое отношение к спиртному (считая такой подход безвредным) – вы становитесь в глазах этих фанатиков орудием психологической диверсии, «дурным»

примером своим вовлекая сограждан в соблазн. Соответственно, откровенный пьяница будет лишь несчастной жертвой этой диверсии, требующей вразумления и идейной защиты от «диверсантов».

Вот это сочувственно-отеческое отношение к бухарикам является во многом показательным. Во многом – еще раз отмечу – это есть родственные души. Именно бывшие пьяницы как раз и придерживаются трезвеннического ригоризма: «Нет-нет, никакого пива, никакого вина, ни капли спиртного! Всё, я в завязке!». Следовательно, трезвенническая идеология подходит под их умонастроения как никогда. Поэтому оценить ее значение может только настоящий забулдыга, либо тот, кто не рассчитывает на свою силу воли и может сорваться в любой момент. В этом случае терроризировать свое воображение ужасами алкогольного воздействия на организм будет в самый раз. Ничто так не компенсирует безволие и дурные наклонности, как искренний СТРАХ перед возможными (или воображаемыми) последствиями.

Как мы знаем, в советских наркологических диспансерах забулдыг отучали от спиртного также через внушение страха. Мол, мы вам вкололи какие-то препараты, из-за которых капля алкоголя окажется для вас губительной. Можно ли это назвать «лечением» - вопрос даже не риторический. Хотя, так или иначе, на кого-то такие внушения действовали. Но вряд ли на всех. Мне рассказывали про одного пьяницу, пару раз принудительно «лечившегося» в таком заведении. Так вот, пройдя курс подобного «лечения», он сразу делал следующее. Шел в ближайший магазин за бутылкой бормотухи. Затем возвращался, садился возле крыльца заведения и тут же опустошал бутылку. Расчет был прост: если что-то случится, то помереть ему здесь не дадут. Так вот, прождав часок-другой и поняв, что ничего смертельного с ним не произошло, он с легким сердцем – пьяный и веселый – шел с этого «лечения» домой. Пьянку он, конечно же, не прекращал.

Что касается наших фанатиков трезвости, то они решили с помощью своей пропаганды подобный страх поселить в душах буквально всех жителей страны, независимо от того, входят они в категорию забулдыг или нет. Мне скажут, что кому-то из пьяниц такая пропаганда пошла на пользу. На это я отвечу, что наркодиспансеры тоже кому-то помогали. И у нас нет никаких свидетельств, что трезвенническое сектанство имеет в стране массовую поддержку. Отнюдь. Включите эту долбежку по мозгам на полную мощность, и вы получите тот же результат, что и в случае с обычной практикой «лечения» пьяниц.

Надо понимать, что дело даже не в пропаганде, а в конкретных решениях государства по ограничению производства и продаже спиртного. На любителей залить глотку спиртосодержащей жидкостью такие инициативы особо не сказываются, о чем мы уже говорили. А если вы думаете, что массовая промывка мозгов, массовое запугивание спиртным способны эти массы образумить и сделать их большими любителями воды и фруктовых соков, то значит вы плохо понимаете жизнь и людскую психологию. Не только опыт горбачевской антиалкогольной компании, но и опыт «сухого закона» в США показывает, что радикальные наскоки на устоявшийся образ жизни порождают не менее радикальное противодействие.

Специально обращаю внимание: я говорю именно о радикальных действиях. А наше трезвенническое движение иным быть и не может, ибо в противном случае оно будет изменять самому себе. Тем не менее, приспособившись, так сказать, к текущему моменту, борцы за трезвость в наши дни стали чаще и чаще говорить о введении государственной монополии на производство и продажу спиртного. В качестве образцово-показательных стран в данном случае выступают Финляндия, Швеция и Норвегия. «А кто же нам мешает?» - вопрошают они. Ведь есть же, дескать, положительный опыт западных стран.

Вынужден специально остановиться на данном моменте, поскольку спекуляции вокруг госмонополии не утихают по сей день. И для представителей трезвеннического движения госмонополия, безусловно, является некой «программой-минимум» - необходимым этапом для перехода к абсолютному «сухому закону». В этом смысле перечисленные выше страны абсолютно никак не аргументируют стратегию наших трезвенников.

Начнем с того, что в данном случае мы говорим о демократических странах, где решения властей так или иначе отражают настроения значительной части избирателей. Иначе говоря, идея трезвости вначале популяризуется в массах, затем воплощается в предвыборные

программы будущих законодателей. После чего, заручившись такой общественной поддержкой, законодатели и принимают законы о госмонополии. В России же «окучивается» часть верхушки, совершенно не связанной с широкими общественными слоями. Поэтому в нашей стране государство – в лице высших эшелонов власти – самостоятельно принимает решение и ставит население перед свершившимся фактом. В общем, только по одному политическому моменту разница будет ощутимой.

Но важнее всего здесь то, что в этих странах, несмотря на вмешательство государства в процесс реализации спиртного, обнаруживается достаточно лояльное отношение к культуре питья (особенно в Финляндии и Швеции). Иначе говоря, умеренное потребление спиртных напитков не трактуется как опасный соблазн и психологическая диверсия со стороны заклятых врагов скандинавских народов. Не исключаю, конечно, что такие сумасшедшие идеологи есть и там (а где их нет?), но на государственном уровне такой взгляд не культивируется.

Возьмем Финляндию. Думаю, про качественную водку «Финляндия» слышали все. В каком-то смысле она конкурирует с нашей «Столичной». Согласитесь, что это говорит о многом. Финны явно хотят переиграть русских на этой почве, пытаются создать узнаваемый международный бренд. Но это еще не все. Финляндия знаменита своими плодово-ягодными винами. На мировой рынок они поступают редко, зато пользуются хорошим спросом внутри страны. Заметим, что это не какое-то знакомое нам «плодово-выгодное» пойло, некогда популярное у советских забулдыг. Это вина высокого качества, подаваемые даже в дорогих ресторанах. Например, игристое вино из белой смородины или вино из крыжовника, которое специалисты иной раз путают с французскими винами из долины Луары – так они похожи по вкусу и аромату. Их разливают в обычные винные бутылки, как и виноградные вина. А профессиональные сомелье специально подбирают к ним блюда, как и к любому нормальному вину. В группу особых изысков входят ягодные ликеры. Самый знаменитый из них – ликер из морошки. В каком-то смысле этот ликер стал предметом национальной гордости финнов. Ведь морошка, как мы знаем, – северная ягода, экзотичная для многих европейцев. Примечательно, что плодово-ягодные вина могут изготавливаться прямо в небольших фермерских хозяйствах. Можно сказать, в рамках семейного бизнеса. И никому не приходит в голову видеть в этом запретную деятельность по спаиванию населения.

Вы только представьте, как бы изготовление плодово-ягодных вин прокомментировал российский борец за трезвость. Уж если эти борцы не постеснялись вырубить на юге страны элитные виноградники, где изготавливались дорогие вина, идущие на экспорт (!), то что уж говорить о фермерских винах из смородины и крыжовника? Тут бы по рукам дали однозначно.

Теперь немного о Швеции. Про водку «Абсолют» и горькую настойку «Аквavit» также многие из нас слышали. Это знаменитые шведские марки, еще более известные, чем водка «Финляндия». И точно так же, как в Финляндии, в Швеции популярны плодово-ягодные вина, в том числе такие необычные, как вино из ревеня (по сути – овоща или даже травы). Мало того, в последнее время, ввиду бурного продвижения виноградной лозы на север, в Швеции появились энтузиасты, пробующие свои силы в промышленном виноградарстве. Такой виноградник, например, есть на острове Готланд. Здесь делают не только виноградное вино, но также яблочный сидр и крепкий дистиллят типа виски. Конечно, государственная монополия на продажу спиртного создает определенные сложности, однако она не преследует своей целью навязать всему обществу «сухой закон», сделать всех абсолютными трезвенниками.

Из указанных трех стран разве только Норвегия демонстрирует откровенную нелояльность к спиртному, но до «сухого закона» не доходит и здесь. Причем, законы совсем не мешают норвежским энтузиастам пробовать свои силы в выращивании винограда для производства вина! Один такой энтузиаст – Свен Хансен – со своего участка площадью в полгектара умудряется производить до 2 тыс. бутылок вина в год. Причем – на продажу. Другие энтузиасты производят вино для личного потребления. Естественно, назвать их «алкашами» может только откровенный извращенец. Но я не удивлюсь, если российский фанатик трезвости увидит в подобном увлечении виноградарством и виноделием пагубную стезю.

И коль уж на то пошло, кому-нибудь из нас придет в голову, что винодельческие опыты норвежца Свена Хансена несут в себе угрозу национальному здоровью, склоняя норвежских граждан к пьянству? Нужно быть поистине психически неуравновешенным человеком, чтобы выдать подобную сентенцию. Но ведь наши трезвенники мыслят как раз такими штампами. И когда они ссылаются на опыт тех же скандинавских стран по поводу государственного контроля за оборотом спиртного, им не приходит в голову, что существующая там государственная политика **не входит в противоречие с развитием культуры питания**. Что умеренное потребление качественных спиртных напитков не подвергается безоговорочной обструкции как источник губительных для народа влечений. Я вполне допускаю наличие безумных ригористов в любой европейской стране. Но в данном случае я говорю о господствующей социальной атмосфере, в которой можно вполне безмятежно, не вступая в конфликт с законом и господствующей идеологией изготавливать и потреблять качественные спиртные напитки. Вы можете себе представить шведского политика, который потребовал бы вырубить виноградники на острове Готланд, объявив их «рассадником пьянства и алкоголизма» - как это сделал товарищ Лигачев в отношении виноградников Массандры? Я такого политика представить не могу. На Западе как-то научились ставить заслоны для идиотов и шизофреников от их проникновения во власть.

Я не буду прогнозировать, как сложится ситуация в дальнейшем. Не исключено, что Западная Европа может получить борцов за трезвость в лице сумасшедших исламских проповедников. Но пока что высокий уровень бытовой культуры ограждает сознание людей от столь радикальных подходов. Говоря по существу, нормальному европейцу не придет в голову видеть в бокале с виноградным вином «отраву». По этому поводу уже давно укоренился совершенно иной ассоциативный ряд, в немалой степени определяющий отношение к спиртным напиткам и к особенностям их потребления.

Вот так мы вплотную подошли к социально значимым вопросам, на которые нам вроде бы пытаются дать ответ трезвенники, но вместо ответа мы получаем от них только промывку мозгов. Тем временем та же Европа уже не испытывает былых ужасов повального пьянства, поражавшего воображение современников еще пару столетий назад. И наличие людей, любящих иной раз выпить без меры, вряд ли можно рассматривать как социальное зло, ведущее европейские страны к гибели. Будем тут откровенны. Как бы ни напивались ныне английские футбольные фанаты, но с «джиновой чумой» XVIII века это все равно не сравнить. Среди современных английских интеллигентов и государственных служащих уже нет «трехбутылочных» джентльменов, козыряющих своей способностью надираться сверх меры. Нет уже той атмосферы, когда способность за один присест влить в себя три бутылки портвейна (а то и шесть бутылок) становится поводом для гордости и бравады. Сама социальная атмосфера как-то существенно поменялась, хотя спиртные напитки представлены в полном ассортименте, и желающий надраться способен делать это когда ему будет угодно. То есть западное общество добилось повышения культуры самого питания – вместо радикального запрета на все спиртное скопом.

Давайте задумаемся: что же реально ограждает человека от скатывания в запои, от пристрастия к спиртному как к средству опьянения? Почему «культурное питание» как раз и является противоядием от пьянства, неким социальным иммунитетом от массового спаивания? И каким образом случилось так, что в нашей стране эти защитные механизмы были сломаны? И кем они были сломаны? Поговорим об этом в завершающей главе.

СПАСЕНИЕ – В ЕДЕ

Никогда не забуду один «дивный» вечер, проведенный в компании известного новосибирского поэта. Поэт пригласил меня и моего приятеля в свой офис (он возглавлял какую-то редакцию), чтобы обсудить чисто деловой вопрос. Дело было в феврале. Причем, день оказался по-сибирски холодным, и пока мы с приятелем плутали в поисках нужного

адреса, изрядно продрогли. В таких случаях, как и полагается, общение без бутылки не обошлось. Поэт оказался в этом отношении человеком предусмотрительным, запасшись для сего случая двумя «поллитрами» водки. Единственное, чего он не предусмотрел – так это адекватной... закуски. На его европейском стеклянном столе сиротливо стояла тарелочка с печеньем и блюдец с нарезанными ломтиками лимона. Честно скажу, водка у меня – особенно в такое время, когда на улице пробирает до костей от зимнего холода – ассоциируется с другими съестными припасами. Если в определенной среде принято говорить: «Пиво без водки – деньги на ветер», то я обычно говорю: «водка без сала – издевательство над организмом».

Именно в упомянутый вечер я и вывел для себя это простое, но жизненно важное правило. Наш поэт, подражая, наверное, извращенной европейской богеме, традиционное русское сочетание водки и еды проигнорировал напрочь. Типа, чего переводить продукты, ежели водку пьют с целью «нажраться», то есть охмелеть? Лично мне «нажираться» в тот вечер совсем не хотелось, и потому после распития первой бутылки организм потребовал нормальной калорийной жрачки. Лимоны данному требованию не соответствовали ни в коей мере, и от такого противоестественного, на мой взгляд, сочетания, меня четь ли не выворачивало наизнанку.

Скажу не ради куража: если я предлагаю гостям «беленькую», то в обязательном порядке готовлю под нее закуску, которую считают уместной и адекватной. И это никак не лимоны с печеньем. Помню, как после того вечера я возвращался домой, испытывая зверское чувство голода. Неплохо было бы навернуть тарелочку наваристого борща, хороший кусочек соленой грудинки или хотя бы просто бутерброд с вареной колбасой. Именно в такие минуты понимаешь, каково реальное место крепкого алкоголя на столе. Если вы сочетали водку с сытными закусками, то не могли не заметить, что такое сочетание проходит без всяких тяжелых последствий и для вашей головы, и для вашего желудка.

Здесь-то нас и подстерегает ложная дилемма: жрать или «нажираться». Иначе говоря, есть ли смысл в обильных закусках, которые, как мы прекрасно понимаем, снижают опьяняющее действие спиртного? Иногда настолько снижают, что вы не пьянеете вообще. Точнее, слегка под хмельком, но голова всё прекрасно соображает. По этому поводу уже неоднократно звучали высказывания некоторых представителей «продвинутой» интеллигенции, которые чуть ли не кичатся тем, что пьют водку совершенно без всякой закуски. Дескать, чего зря переводить и то, и другое. Ведь водку якобы надо пить только ради опьянения, и к чему тогда, мол, тормозить сие состояние гастрономическим сопровождением? Вот именно так и расставлены акценты: бухаем, значит бухаем – и ничего лишнего! Звучит как бы рационально, как бы по-европейски и как бы с возражением против русского транжирства.

В этой связи я напомним, что потребление водки без всякой закуски, потребление исключительно с целью опьянения идет со времен царевых кабаков, куда народ заглядывал не для того, чтобы поесть, а для того, чтобы напиться до чертиков. Так что у наших «рациональных» интеллигентов в этом плане есть предшественники. Причем, не где-то в просвещенной Европе, а в своей родимой стране. И само отношение к спиртному в данном случае – типично «наркологическое». То есть пить ради изменения сознания. Иными словами, эти господа просто-напросто «включают» аргументы типичного бухарика. Еще раз напомним, что в нашей стране питье без закуски – характерная черта опустившихся алкашей. Приличный человек, как мы знаем, даже при его склонности выпивать много и до потери пульса, все же не мыслит сего действия без сытного сопровождения (продвинутые интеллигенты, включая некоторых поэтов – не в счет). Считать ли последнее обстоятельство досадным «барским» пережитком или, наоборот, видеть в нем некую опору для формирования «культурного» питания, лишенного «загульных» эксцессов, а значит – массового пьянства как социального зла?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо, все-таки, разобраться с тем, что мы считаем пьянством, в каком случае это можно оценивать как опасность для общества, для национального здоровья.

Давайте начнем с того, что наши далекие предки абстинентами не являлись, и еще в дохристианские времена ритуальные пиршества с обильным возлиянием спиртного были явлением нормальным. И представьте себе, народ как-то выжил, размножился, расплодился и

расширил свое присутствие на планете. «Веселое питие» помехой тому не стало. В чем же тогда выражается социальная опасность потребления спиртных напитков, в каких случаях мы можем говорить, что вот конкретно здесь пройдена некая грань и начинается опасная для общества привязанность?

Как вы понимаете, я не принимаю в расчет идиотскую НЛП-демагогию российских адептов трезвеннического движения. Мы не знаем исторической эпохи, когда наши предки не имели никаких понятий о хмельном питии. Исторические источники четко указывают, что вино, пиво, брага, мед сопровождали нашу народную жизнь с незапамятных времен. И если народу удалось дожить до нынешних дней и много чего сотворить в истории, стало быть, потребление спиртного этому никак не помешало. Следовательно, социальная опасность таится не в хмельном питии как таковом, а в особом подходе к его потреблению. И как раз такой подход воспринимается как опасный, губительный для народа. Именно он и связан с тем, что мы привычно именуем «пьянством», употребляя данный термин исключительно в негативном смысле.

Где же, в таком случае, проходит та грань, что отделяет дозволенное потребление спиртных напитков от недозволенного, ведущего к гибели? Если на сей счет вывести какую-либо специальную формулу, то она будет звучать так: пьяница – это не тот, кто позволяет себе потреблять спиртное, и даже не тот, кто позволяет себе потреблять помногу. Пьяница – это тот, кто уступает своему влечению к опьянению, не взирая ни на место, ни на время, не следуя никакому принятому в обществе распорядку. Иначе говоря, быть пьяным во время праздника – это совсем не то, чтобы пить с горя, с тоски или просто от желания напиться и отвлечься от реальности. То есть пьяница пьет как-то «неправильно».

На сей счет у нас даже существует вполне четкий критерий. Когда о человеке говорят, что он выпивает «только по праздникам», то тем самым подчеркивают, что дурного пристрастия к выпивке он не имеет. Выпивать по праздникам – вполне законно и оправданно. Пьяница как раз таких ограничений не имеет. От приличного человека он как раз отличается тем, что свое пристрастие он не контролирует. Пьяница может надираться и по будням, выпадая тем самым из нормального жизненного уклада, освященного традицией.

В России это праздничное хмельное веселье четко отличали от губительных пьяных запоев даже простые крестьяне. Различие между первым и вторым осознавалось отчетливо. Иными словами, в нашем обществе порицалось не само принятие спиртного, а безответственная привязанность к нему, имеющая целью исключительно опьянение. Пьянство не требует ни повода, ни праздничного стола. Русские крестьяне могли крепко «вмазать» на Пасху, и это не подвергалось осуждению. Типичный пьяница мог надраться в любой день. И мерзость усматривалась именно в таком безвольном потакании дурным страстям.

Возможно, вам доводилось наблюдать за бухариками, еще не успевшими окончательно потерять человеческий облик. Как правило, пристрастие к выпивке по будничным дням выражается так. Человек покупает бутылочку водки, где-нибудь ее «заныкивает» (а сие может происходить даже на рабочем месте). Затем он с определенной частотой прикладывает к этой бутылке, отхлебывая по 50 – 100 «грамм». Повышает тонус, так сказать. Закуска и нормальный стол его в данный момент, конечно же, не интересуют. Хлебнул, отошел, потом опять пришел, опять хлебнул... Ближе к вечеру его уже окончательно «развозит».

В нашей провинциальной средней школе такой бухарик работал учителем труда (потом его с работы поперли, когда выяснили о его пристрастиях). Он него постоянно несло спиртным. В одной из мастерских, в шкафчике, он хранил водку. Время от времени он туда наведывался, становясь веселым прямо на наших глазах. К приходу второй смены он уже мог мирно спать за своим столом (на радость ученикам).

В строительном институте, где я имел удовольствие трудиться, таким бухариком оказался преподаватель по строительной механике - доцент кафедры, кандидат наук. Во время вечерних консультаций студенты старались попасть в первые ряды, поскольку тем, кто запаздывал, ничего внятного не светило – доцент к тому времени уже не вязал лыка. В процессе консультирования он время от времени бегал на свою кафедру, где отхлебывал из бутылки. Через пару часов его уже развозило так, что он переставал соображать. Студенты,

правда, оказались людьми жалостливыми, и начальству не докладывали (хотя начальство, наверное, было в курсе).

Таких примеров – не счесть. Когда же бухарики начинают «соображать» на троих, они надираются сразу «до полной кондиции». Произойти это может хоть в подворотне, хоть в подъезде, хоть за гаражами... Именно к услугам таких любителей выпить на Руси и создали сеть государевых кабаков, в коих простой народ изначально (и вполне справедливо) усматривал зло. И другого отношения к кабакам не было. Самое интересно, что в старину изготовление на дому крепких дистиллятов злом не считалось. А вот кабак, где надирались без всякой закуски – прослыл опасным злчным местом, таящим в себе общественную угрозу. И все это, подчеркиваю, связано с характером потребления спиртного, а не с самим спиртным.

Чем характеризовался праздник, когда люди позволяли себе как следует приложиться к выпивке? Так вот, праздник (еще раз специально отмечу) отличался не только тем, что в это время много пили. Вдобавок ко всему, на праздники еще много и очень сытно ЕЛИ! Вы скажете, какой праздник без выпивки? А я скажу – какой праздник без обильной еды? И еда является здесь главным атрибутом, тогда как выпивка – дополнение к еде. Уберите еду, оставьте только выпивку – и любой, даже самый малообразованный крестьянин, заподозрит здесь что-то неладное. Да, без выпивки праздничный стол будет выглядеть сиротливо, как кушанье без соли и приправ. И только. Но без еды он будет выглядеть тревожно и подозрительно. Нормальный человек угадывает это чуть ли не нутром. Выпивка без еды – что-то нехорошее, ненормальное и таящее в себе зло. Лишите выпивку съестного сопровождения, и всё – вы сразу ломаете стереотип, ломаете саму традицию, ломаете «культурный код», формирующий ту самую **границу**, которая как раз и отделяет легитимное хмельное веселье от банального губительного пьянства.

Отметим также четкую соизмеримость выпитого и съеденного. По праздникам много пьют, но ведь и много едят! Едят несоизмеримо с тем, что бывает по будничным дням. Сколько времени вы тратите в обычный день на обед? Ну, от силы час. Чаше – в два раза меньше. А то и вообще треть часа. И всё – количество пищи, принятой за это время, вполне достаточно, чтобы чувствовать себя совершенно сытым до вечера. А что такое праздничное застолье? Это когда на поглощение пищи тратится несколько часов. Непрерывно! Соответственно, и пьют непрерывно именно потому, ЧТО НЕПРЕРЫВНО ЕДЯТ. Это четко соответствует параметрам «культурного кода» - соответствие количество спиртного количеству выпитого. И распространить данный код можно и на будничные дни.

Мы знаем, что в южных странах – в Италии, во Франции, в Греции, Болгарии или Испании – пропустить за обычным обедом бокальчик вина не считается чем-то предосудительным, не связывается с пьянством. Немного поел, немного выпил... Вполне в рамках традиции. В дореволюционной России в приличных домах за обедом или ужином также можно было опрокинуть рюмочку водки. И никому не приходило в голову видеть в том губительное пристрастие. Профессор Преображенский с доктором Борменталем не выглядят забуддыгами, даже если рюмочка водки была их ежедневным дополнением к трапезе.

К чему я это всё уточняю? К тому, что мне доводилось читать идиотские тесты на наличие так называемой «алкогольной зависимости», где, в частности, фигурирует такой вопрос: «С какой периодичностью вы принимаете алкоголь?». Составители теста, наверное, полагают, что простая количественная составляющая способна вывести человека на свет. Иначе говоря, если он ежедневно выпивает рюмочку за обедом, то это уже есть признак «алкогольной зависимости». По таким параметрам добрая часть французов и итальянцев уже должна числиться в алкашах. Туда же отправится профессор Преображенский и доктор Борменталь.

На самом же деле необходимо учитывать и качественную составляющую – по какому поводу, в каком месте, в связи с чем и с каким сопровождением потребляется спиртное. Потому что ежедневно можно выпивать так, как это делал упомянутый выше учитель труда: достал из шкафа бутылку, заглотив «сто грамм», потом «занюхал» рукавом и пошел на рабочее место. А можно выпить рюмочку за нормально сервированным столом, под горячую закуску, под рыбные расстегаи, под солянку... Разница колоссальная. Мотивации несопоставимые. Спиртной напиток может выступать **в аспекте утвердившейся гастрономии**,

а может быть вне ее. Точнее, есть чисто **гастрономический** аспект восприятия спиртного, а есть аспект **наркологический**. И путать одно с другим может либо упоротый собственной идеологией радикальный поборник трезвости, либо просто идиот.

Спиртное как составной компонент обеденного стола или как составной компонент национальной кухни предполагает совершенно иной ракурс восприятия со стороны потребителя, радикально отличный от того, что имеет место в голове закоренелого выпивохи. Пьянство начинается в случае резкого изменения акцентов, когда в сознании пьющего утрачивается связь между спиртным напитком и едой (или она не предполагалась с самого начала в силу особенностей воспитания). Собственно, аналогичную историю имеет европейская наркомания, когда опиаты и каннабис перестали ассоциироваться с лекарствами, с медициной. Точно так же гастрономический характер спиртного, его нерасторжимая связь с едой – это и есть та единственная психологическая преграда, которая стоит на пути распространения пьянства.

Только представьте на минуту, что бы случилось с итальянцами или французами, если бы в их сознании (а стало быть, и в быту) совершенно стерлась связь между виноградным вином и обеденным столом, и вино стало бы восприниматься как жидкость с «градусами»? Причем, безотносительно к тому, как бы при этом вино оценивалось – как «отрава» или как напиток исключительно «для души». В этом случае, выйдя из контекста гастрономии, на вино смотрели бы исключительно как на средство опьянения. По большому счету, в сознании людей укоренились бы стереотипы закоренелых питухов, а вместе с тем – соответствующий подход к потреблению вина. Перед людьми встала бы простая, но убийственная дилемма – либо заливать вином глотку ради пьяного забытья, либо совершенно от него воздерживаться. Тут, как мы уже отметили в предыдущей главе, третьего не дано. За пределами гастрономии третьего пути просто нет.

Я вполне допускаю (как бы это ни угрожающе звучало), что если французские мусульмане навяжут этой стране свою волю и свои дикие предрассудки, то мы станем невольными очевидцами подобных трансформаций. Как мы знаем, мусульманские любители опиума, гашиша и марихуаны воспринимают вино как спиртосодержащую «отраву». Гастрономический контекст им неведом, как и российским адептам поголовной трезвости. Если французское общество «прогнется» под их идеологию, то на многовековой французской культуре можно будет поставить крест. Ибо гастрономия в жизни народа играет роль не менее существенную, чем литература и изобразительное искусство. А представить французский обеденный стол без вина невозможно. И если французский народ, несмотря на свою любовь к вину, не превратился в толпу уродливых алкашей, то как раз благодаря тому, что потребление спиртного здесь изначально было четко вписано в упомянутый гастрономический контекст.

Учтем, кстати, еще один момент. Говоря о гастрономическом контексте, надо понимать, что связь здесь более сложная и многогранная, нежели простое сочетание спиртного напитка и еды на обеденном столе. Для гастрономии важен вкус – в смысле вкусовых ощущений. Иначе говоря, напиток должен быть «вкусеньким», приятным. По крайней мере – не противным. Он может быть и нейтральным, но ни в коем случае – не перебивать, не портить вкус еды. А для еды быть вкусной (не только полезной) – одно из основных «потребительских» требований. И дополняющее ее питье должно, просто обязано в эти требования вписываться.

Но это еще не все. Степень «вкусности» того или иного напитка может находиться на разном уровне – от нейтрального до изысканного. И если вкус напитка настолько хорош, что им можно наслаждаться отдельно, смакуя маленькими глоточками, то в данном случае мы видим полное торжество гастрономического подхода. Ведь если вы пьете только потому, что это вкусно, то в данном случае восприятие напитка принципиально ничем не отличаются от восприятия хорошей еды. Всякие там «градусы» отходят на задний план и не считаются чем-то определяющим. И чем изысканнее напиток, тем сильнее выражен гастрономический подход. Пить залпом уже не получается, а значит вероятность перебрать и напиться до бесчувствия стремится к нулю.

Говоря об изысканных (а значит – достаточно дорогих) напитках, мы раскрываем в них еще одну сторону, еще один аспект. Этот аспект имеет отношение к целебным свойствам напитков. На первый взгляд звучит парадоксально. Как правило, лекарства на вкус противны, и

наслаждаться их вкусом невозможно. Тем не менее, пересечение гастрономического аспекта с аспектом медицинским имеется. Лекарство, как мы понимаем, не принято заглатывать лошадиными дозами, осушать залпом по целому бокалу. Лекарство можно смаковать – при условии, если оно не будет противным, а будет приятным на вкус.

Собственно говоря, всякие умопомрачительные рецептуры различных блюд и спиртных напитков, так или иначе были связаны с древней медициной и средневековой алхимией, постепенно перекочевав из фармакологии в кулинарию и «ликеро-водочное» производство. И в китайской, и во французской кухне можно обнаружить отчетливый алхимический след. Даже такое простое дело, как добавление в еду пряностей, изначально преследовало цель сделать кушанье полезным. Это потом был оценен вкус и аромат. Ведь те же пряности вначале рассматривались как целебные травы, как зелье. И только потом были оценены кулинарами. И сложные сочетания различных компонентов – это результат поисков целебного воздействия на организм. Вкусовые достоинство таких сочетаний были оценены позднее.

В принципе, подробно останавливаться на данном моменте особой надобности у нас нет. Как мы уже упоминали, известные марки ликеров, славящихся своим «неземным» вкусом и ароматом, уходят корнями в целебные эликсиры, приготавливавшиеся монахами исключительно в лечебных целях. Просто однажды случилось так, что кто-то из мирян сосредоточился на их вкусо-ароматических достоинствах. Отсюда произошла перестановка акцентов, и возник особый класс «вкусных» напитков. Хотя их целебные свойства от этого не умалялись.

Так же история, как мы знаем, произошла и с русскими (и не только) ароматными водками и настойками, шагнувшими на обеденный стол прямо из аптек. И в этом случае их целебные свойства также не умалялись. Хотя, скорее всего, гастрономический аспект долгое время был дополнительным. Ведь, в сотый раз напомним, до революции в приличных домах крепкий алкоголь ставился на стол в качестве «помощника» для пищеварительной системы, дабы «справиться» с обильными кушаньями. И если какая-нибудь настойка была еще и очень вкусной, то это обстоятельство только дополнительно повышало ее ценность в глазах потребителя.

Кстати, целебные качества, похоже, когда-то автоматически приписывались любому изысканному, особо качественному напитку. Например, в итальянских семьях вплоть до середины XX века дорогое вино воспринималось именно как лекарство. Простые, непритязательные вина, изготавливаемые ежегодно в огромных количествах, выпивались за обеденным столом как обычные напитки. Ими запивали еду, утоляли жажду, добавляли в соусы. Немалая часть такого вина к концу сезона превращалась в уксус. В южных винодельческих странах простые повседневные вина играли в ежедневном рационе точно такую же роль, какую играл квас в дореволюционном российском быте. Нормальные русские крестьяне, как известно, жажду водой не утоляли. Жажду утоляли квасом. Квасом же запивали еду. И он же – квас – был основой некоторых традиционных русских блюд (окрошка, тюря, ботвинья).

На юге такое отношение сложилось к простому виноградному вину. В свое время мне было удивительно читать в романе Луи Селина «Путешествие на край ночи», как французские солдаты, испытывая жажду, пошли в какую-то деревню прикупить у крестьян вина. Заметьте – не надраться в хлам, а утолить жажду! Вот это и называется традицией.

А вот то, что касается дорогого, изысканного вина, которое нельзя выпить залпом из стакана, а можно смаковать маленькими глоточками из бокальчика, то оно, как я уже сказал, издавна воспринималось как лекарство. В Италии его предлагали больным. И, наверное, не только в Италии. Это уже был не повседневный напиток, а напиток, предназначенный для неординарных случаев. Тем не менее, и простой напиток, и изысканный – оба они в той или иной мере включены в быт, не служа в рамках установленной традиции целям банального опьянения.

Вот этот сугубо культурный компонент имеет для нашей темы решающее значение.

Чтобы понять суть вопроса, я бы в этом случае провел аналогию с чаем. Чай изначально предлагался как лекарственный настой. Однако благодаря своему вкусу и аромату он прочно вошел в быт как напиток, потребляемый ежедневно. Чай пьют и дети, и взрослые, и ни одному

нормальному человеку не приходит в голову увидеть в этом порочную зависимость от кофеина. И любой из нас (если он не псих) прекрасно понимает, что даже страстный любитель чая не дойдет до того, чтобы сделать из чайной заварки чифирь, как это принято в уголовной среде. Чай – это действительно вкусный напиток, это часть нашей бытовой культуры, важная составляющая нашей гастрономии, часть традиции, наконец.

А что такое чифирь? Это не просто наркотик (или наркотический суррогат). Это, прежде всего, - составляющая уголовной, «блатной» субкультуры, совершенно чуждой большинству законопослушных граждан. Это две несоизмеримые социальные сферы. И один компонент здесь не может плавно и безболезненно, «эволюционно» перерасти в другой, не привнося за собой чего-то совершенно чуждого. Ведь ежели простые граждане перейдут с чая на чифирь, это будет свидетельствовать об очень серьезных сдвигах в их сознании, а также о серьезных переменах в их бытовой культуре.

Чем важен и показателен данный пример? Тем, что он отчетливо показывает разницу между любителем чая - как ароматного и вкусного напитка, и любителем чифиря – как наркотического зелья, мутящего сознание. Между тем и другим – непреодолимый барьер, и первое (специально подчеркиваю) ни при каких условиях не сможет эволюционировать во второе. Ибо любовь к вкусу и аромату не является некой «прелюдией» для любви к измененному сознанию. Одно никак не вытекает из другого.

Однако если мы, по совету каких-нибудь умников, объявим чай наркотиком и гневно осудим и запретим традицию русского чаепития (есть такая традиция!), то именно тогда мы запросто получим массовый переход к чифирю. Ведь если чай – это только «наркотик», то как его можно использовать по-другому? Только как наркотик – и никак иначе! Если в стране вырастет целое поколение, не способное оценить чай как вкусный напиток, но осведомленное о его наркотических свойствах, то здесь усвоение уголовной субкультуры напрашивается само собой. Запрета, возможно, надолго не хватит. Зато на пути дурного примера уже не будет стоять никаких **культурных преград**. А ведь именно сложившаяся за долгие годы культура потребления чая ставит заслон на пути «блатного» использования чайной заварки. Хотите убедиться в этом – поставьте маленький эксперимент. Предложите своим гостям вместо чая с бубликами и печеньем - стаканчик чифирьку. Непонимание и подозрение в неадекватности вам будет гарантировано (конечно, если ваши гости – не из числа бывших уголовников).

Все дело в том, что традиция чаепития – где чай ценится именно как вкусный напиток – вписана исключительно в гастрономический контекст. Тогда как потребление чифиря не имеет к гастрономии ни малейшего отношения. Еще раз подчеркну – это две разные, совершенно не пересекающиеся сферы. Но если вы попытаетесь исключить использование чая в нашей гастрономии, вы тем самым только разрушите культуру его потребления, но абсолютно не нанесете никакого урона уголовной субкультуре с ее чифирем. На уголовников ваши проповеди о вреде «наркотика» никакого влияния не окажут, зато приличные люди, любящие чай как напиток, будут вынуждены принять эту морализаторскую ахинею на свой счет.

Именно поэтому, как я уже говорил, попытки введения «сухого закона» в первую очередь ставят в невыгодное положение тех, кто ценит в спиртных напитках их вкус и аромат, но никак не «градусы». Понятно, что для таких людей в спиртном напитке важно качество, а не количество. А это значит, что они не будут довольствоваться дешевыми суррогатами. В то время как обычные выпивохи, сосредоточенные как раз на «градусах», легко переходят на любую спиртосодержащую дрянь. И где тут забота о «национальном здоровье»?

Давайте, для наглядности, вспомним, чем стал пробиваться советский народ после горбачевской антиалкогольной реформы. Советские выпивохи и до этих реформ ничем особо не брезговали, пили все, от чего мутились мозги – вплоть до стеклоочистителя. Но ведь самое страшное, что явное снижение культуры потребления спиртного коснулось не только опустившихся забулдыг, но и людей более-менее приличных, способных нормально обустроить свой быт.

Помню, как в году 1988-м одна такая вот радушная, вполне нормальная хозяйка потчевала нашу небольшую молодую компанию собственной бражкой. Более отвратительного пошла представить себе трудно. Из какого дерьма она ее изготавливала, мне не понятно по сей день. Но пили ведь! Почему? Да потому, что любая спиртосодержащая жидкость

рассматривалась по позднесоветским пролетарским меркам как «бухло», а раз так, то вливать ее в себя – вроде как не грех, ибо желание «надраться» было причиной уважительной и оправдывало любой урон организму. Тем более – для «настоящих мужиков»...

Вы понимаете, к чему я клоню? К тому, что в рамках гастрономического контекста употребление такой дряни нормальными людьми исключено напрочь. Предложили бы вы этой хозяйшке поставить на стол грязный хлеб с помойки или гнилой помидор, то задели бы ее за живое: «Мы тут что, бомжи?». А вот наливать в стаканы вонючую бражку, годную только для бомжей, вроде как не зазорно. Ибо здесь само наличие «градусов» делает остальные недостатки несущественными: «Ну а чего, парнишки решили выпить – чем богаты, тем и рады...». Так срабатывает стереотип, не имеющий ни малейшего отношения к сформировавшейся в приличном дореволюционном обществе культуре питья. Возникшая еще в царские времена кабацкая субкультура, преодолев свою маргинальность, тесно вплелась в быт советских (а ныне – российских) граждан, породив указанное несоответствие между уровнем бытового обустройства и качеством спиртосодержащей жидкости, которую время от времени наши соотечественники позволяют вливать в свое чрево. Это примерно то же самое, если бы к бубликам, баранкам, варенью и печению подавали не чай, а цифирь.

В наши дни самодельная бражка уже редко фигурирует в качестве простонародного пойла, однако, несмотря на это, разборчивость простых людей в вопросах выбора спиртного оставляет желать лучшего. Российский алкогольный рынок в наши дни предлагает огромный ассортимент спиртосодержащих фекалий, продающихся под видом «вина», «пива» или «шампанского». Как говорить – не верь глазам своим, доверяй обонянию. Из чего сделано такое «вино» или чем пахнет такое «пиво», уточнять не будем. Будучи в здравом уме, трудно верить тому, что пишут на многих этикетках. Поражает только то, что совсем не опустившиеся, а вполне приличные граждане, научившиеся разбираться в хорошей еде, не стесняются ставить такое дерьмо на свои праздничные столы. Даже если нет опыта, то хотя бы интуиция может подсказать, что настоящее пиво не может пахнуть мочой и грязными половыми тряпками, а настоящее вино не похоже на морс из прокисшего варенья.

Меня иной раз шокирует, когда я вижу в каком-нибудь супермаркете, как расфуфыренные дамочки, облаченные в дорогие шубы, покупают какую-то подкрашенную бодягу, считая ее «вином». Неужели, разбираясь в натуральных мехах, нельзя разобраться в натуральных напитках? По сию пору по этому пункту у нас существует большой пробел. А вместо цивилизованного вкуса – поток предрассудков и деревенских баек. Все сказанное – следствие реального насилия над бытовой культурой, когда простой народ вроде бы усваивает привычки и вкусы культурно продвинутых слоев, однако делает это не с живого примера, а по случайным и порой сильно искаженным образцам.

В данном случае возлагать какую-либо ответственность на простых людей я бы, конечно же, не спешил. Люди, как всегда, становятся жертвами идиотской, а порой и преступной политики верхов, вечно «экспериментирующих» и вечно лавирующих между казенной выгодой и имиджем спасителей и благодетелей народа. Во времена Московского царства простому народу запретили самостоятельно изготавливать хмельные напитки. Якобы из-за высочайшей заботы о людях. Зато немного погодя «заботливое» Российское государство развернуло сеть казенных кабаков, активно насаждая в обществе опасную субкультуру маргинальных питухов. За пару столетий метастазы этой субкультуры проникли в слои русских крестьян, для которых хмельное веселье было испокон веков приурочено к праздникам. А теперь можно было бухать хоть с горя, хоть с тоски, хоть просто по настроению, благо сама власть позаботилась о создании соответствующего алкогольного сервиса. И она же, власть, время от времени пыталась «спасти» народ от пьянства, делая только еще хуже.

В конечном итоге кабацкий дух охватил пролетарские слои, и в советский период весь наш гегемон (включая и тех его представителей, что пробрались на руководящие должности) достоинства спиртных напитков измерял только по «градусам».

Конечно, при улучшении жизни, росте благосостояния культура питья могла бы войти в нормальное русло. Это нам показывает опыт все тех же развитых стран. Но как себя вела советская власть? Ладно бы, если речь шла только лишь о госмонополии и пополнении бюджета «пьяными» деньгами. Вопрос в том, как был организован все тот же сервис. При

товарище Сталине работяги могли после работы культурно распить бутылочку в заводской столовой, сопроводив ее нормальной едой. Однако при товарище Хрущеве в этом усмотрели опасный соблазн, и спиртное из столовок убрали. Опять же ради «заботы» о народе. К чему привела такая «забота», известно – к «соображению на троих» в подворотнях. Такого не было даже в царские времена. Ведь те же кабаки со временем принимали более-менее цивилизованный облик. А в послевоенном СССР работяги начали «греть душу» где только придется. Горбачевская реформа эту ситуацию ничуть не улучшила, а скорее – обострила. И иного результата вся эта лицемерная государственная «забота» иметь не будет. Если в наши дни мы отдадим инициативу по данному вопросу радикальным борцам за «народную трезвость», остатки возрождающейся культуры питья будут вытоптаны окончательно.

Ведь нетрудно заметить, что вся деятельность государства, связанная как с созданием казенных питейных заведений, так и с мерами «спасения» народа от пьянства, добивалась только одного – исключения спиртных напитков из привычной гастрономии. Еда – отдельно, спиртное – отдельно. Это преподносилось как две разные сферы. «Вкусности» остались за едой. За спиртным – только «градусы», только опьяняющее действие. В первых царевых кабаках этот принцип воплотился наглядно. Но ведь, по сути, к тому же вели и другие запреты и предписания.

Как оценить запрет на самостоятельное изготовление хмельных напитков? На Руси изготовление хмельного питья (обычно это было пиво) приурочивалось к праздникам. Эта была часть бытовой культуры. Крестьянин собирал рожь, из ржи пекли хлеб, приготавливали квас, а к праздникам варили пиво. Позднее к этому перечню добавились ржаные дистилляты. Главное, что приготовление указанных напитков (а равно и их потребление) было четко вписано в культуру быта, в хозяйственную деятельность, и неизменно ассоциировалось с крестьянским столом и праздничным застольем – со всем ассортиментом съестного, которым питалась крестьянская семья. Одно от другого здесь неотделимо. И если хозяйка стремилась печь вкусный хлеб или выпекать вкусные пироги, то, соответственно, под стать этому должны были быть квас и пиво. То есть тоже должны быть ВКУСНЫМИ! Главными оценщиками выступали родственники и соседи. На этом, кстати, строилась репутация семьи. Если у хозяйки квас и пиво получались отменными, то об этом знала вся деревня. Это был повод для гордости. Если вы хоть раз в жизни пробовали настоящий деревенский квас или добротное домашнее пиво, то поймете, о чем я говорю. С правильно изготовленным домашним пивом не сравнится та козлина моча, которую у нас теперь продают под видом «чешского» или «баварского». Мои родственники, еще помнящие вкус бабушкиного домашнего пива, каждый раз с тяжким вздохом сравнивают его с этими заводскими пенистыми помоями.

Я специально остановился на ностальгических воспоминаниях, чтобы показать, что традиционные домашние напитки – это не какая-то вонючая бурдашка, коей себя опаивали советские пролетарии. Мой дед – потомственный русский крестьянин - такую дрянь никогда бы пить не стал. Даже жажду он утолял исключительно квасом. Но и квас того стоил! Изготовленный из ржаного солода, по всем правилам, уходящим, возможно, в далекие времена Киевской Руси. То же можно сказать и о пиве. Судя по рецепту, оставшемуся от бабушки, это было Никольское пиво, которое крестьяне в складчину приготавливали по случаю Николина дня. Приготавливали его также из ржаного солода, из зерна нового урожая. Не исключаю, что и эта традиция уходит корнями еще в языческую Киевскую Русь. Ведь в облике святого Николы угадывается былинный Микула Селянинович, древний землепашец, собственноручно варивший пиво:

*Я как ржи-то напашу да в скирды сложу,
Я во скирды сложу да домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похвалявати:
Молодой Микула Селянинович!*

Теперь, учитывая только что сказанное, оцените последствия запрета на домашнее изготовление традиционных хмельных питей. Это уже не борьба с пьянством, а борьба с многовековой традицией. И ради чего? Ради меркантильных интересов государевых мужей, решивших пополнять казну за счет продажи спиртного. Верить в благие намерения подобных запретов могут только шизоиды из трезвеннического движения, уверенные в том, что пиво изобрели «жиды».

Что мы получили в итоге? В итоге мы получили утрату самой культуры приготовления традиционных хмельных напитков, получили утрату вкуса – во всех значениях этого слова. Вместо вкусного Никольского пива советские хозяйки начали делать из чего попало вонючее пойло, не считая зазорным предлагать его гостям. И я могу сказать со всей ответственностью: мало теперь вы найдете хозяек, способных по старым рецептам воспроизвести не только старинное пиво, но даже настоящий деревенский квас. И ни один завод в стране не предложит вам ничего подобного. Про «пиво» я уже говорил. Но ведь и то, что называется «квасом» - скорее тянет на некий российский вариант «хлебной кока-колы», точно так же сдобренной жженым сахаром.

В общем, народная традиция по этой части загублена полностью. Пить самодельное питье народ все равно не перестал. Только вот качество этого питья упало ниже плинтуса. Какой только дряни ни делали в советских деревнях (да и в городах тоже). Ржаной солод, способный дать неповторимую гамму ароматов – наших родных житных ароматов! - уступил место сахарозе, прокисшему варенью, сгнившим ягодам, высохшим конфетам, картошке, отрубям, просроченной сметане и черт знает еще чему! Если бы спирт получался из собачьих какашек, они бы тоже пошли в дело. Вот так «градусы» довлеют над народной традицией.

Стоит ли после этого удивляться, что российские граждане могут без смущения пить покупные помои, называемые у нас «пивом», которое заводчики позволяют себе делать из какого угодно дерьма. А кто там отличит? Откуда среднестатистическому россиянину знать, как должно пахнуть настоящее пиво? Вкус к таким напиткам, отношение к качеству формируется столетиями. И чтобы оценки не менялись на протяжении многих лет, необходимо сохранение упомянутой народной традиции. У нас по ней рубанули основательно в результате череды государственных «экспериментов». Немцам и чехам на сей счет повезло – там традиции пивоварения насчитывают столетия, и потому народ в курсе, что настоящее пиво не пахнет козлиной мочой. А воспитание вкуса к таким питьям формируется только и исключительно в рамках традиций. И никак иначе.

С проблемой запрета на изготовления традиционных напитков вроде бы разобрались. Теперь оценим запрет на продажу и распитие спиртного в заводских столовых. Я могу предвидеть тысячи возражений от наших непримиримых моралистов: мол, что за безобразие – водка и пиво в столовой! Прямо рассадник пьянства!

На деле же, как мы знаем, этот «рассадник» тонким слоем размазался по подворотням, скверам и детским площадкам. В чем было преимущества столовки? Во-первых, в том, что здесь спиртное принималось более-менее культурно – за нормальным столом и с нормальной едой. По «сто пятьдесят грамм» под супчик и котлетку – не такое уж преступление против нравственности. Хуже, когда эти «сто пятьдесят грамм» заливаются в подворотне прямо из горлышка и «занюхиваются» рукавом. Во-вторых, преимущества столовки еще и в том, что здесь возможно установление определенных правил культурного поведения, в результате чего само распитие спиртного в таких местах становится частью бытовой культуры, благодаря чему исключается оттенок маргинальности. А это, пожалуй, - важнее всего.

Подворотня тем и омерзительна, что она выходит за рамки любых правовых и культурных норм. И когда государевы мужи росчерком пера устанавливают свои тупые запреты, они просто обманывают самих себя. Повышать культуру быта, разумеется, намного сложнее, чем штамповать запреты. Но наша власть как раз и отличается тем, что в таких вопросах всегда придерживается простых решений, потому как идти таким путем гораздо

проще, зато всегда есть повод заявить о своей «заботе» о будущем народа: «Вот, мы изгнали спиртное из столовок!» А то, что касается подворотен, то данный аспект народного бытия уже как бы не на совести властей, а на совести самих питухов. Их же не заставляют «соображать на троих», в самом-то деле. И власть тут вроде бы совсем не причем. Зато есть основание развести морализаторскую демагогию, возбудить общественное мнение против «несознательных» работяг, позволяющих надираться где попало. И опять правители – белые и пушистые, ни в чем не виноватые. Картинка, знакомая до тошноты.

В сущности, к настоящему моменту в сознании наших правителей мало что поменялось. Всё те же догмы и те же штампы и тот же поиск легких путей и решений. И пока что мы не можем с уверенностью сказать, что им придет в голову завтра. Тем не менее, несмотря на это, шаги к исправлению ситуации совершенно понятны. И как это ни банально звучит (на первый взгляд), главная задача сводится к повышению культуры питания.

В чем должны заключаться здесь главные решения?

Начну с одного показательного примера. В пригородном микрорайоне, где мне приходится проживать, в радиусе двухсот метров находится порядка пятнадцати (!) точек розничной продажи спиртного, и только три (два!) кафе-ресторана, из которых один более-менее приличный. То есть сфера обслуживания в данном поселении совсем не располагает к тому, чтобы у местных жителей была возможность культурно посидеть с друзьями за кружкой пива или бокальчиком вина, выпить рюмку водки под нормальную закуску. Ничего подобного – пиво (правильнее – «пиво» в кавычках) здесь предпочитают глушить в подворотнях, в подъездах, на детских площадках или у себя на кухне под громкую музыку. И это не считается зазорным. Водку тоже нередко глушат (часто вместе с этим самым «пивом») в тех же местах. Причем, эта дурная привычка распространена не только среди совершенно опустившихся забулдыг. Летом я чуть ли не каждый вечер наблюдаю из окна, как мои соседи располагаются напротив подъезда, на автостоянке, «сервируя» капоты своих автомобилей бутылками со спиртным, пластиковыми стаканчиками, чипсами и прочим желудочным кошмаром. В их сознании вот так отдыхать совсем не «западло». И по большому счету, другой альтернативы у них практически нет. В ресторане будет слишком дорого, а сервис в микрорайоне совсем не развит.

Я не думаю, что описываю здесь какой-то исключительный случай. Таких примеров можно отыскать по всей стране сколько угодно. Подворотня или детская площадка как «распивочная» – это тяжкое наследие позднесоветских времен, не преодоленное по сию пору. С тех пор, как товарищ Хрущев изгнал спиртное из заводских столовок, розница стала явно довлеть над сервисом. Последствия аукнутся нам по сей день. Если в центрах крупных или курортных городов дела с обслуживанием обставлены хотя бы удовлетворительно, то в так называемых спальных районах или в провинции перегарный совковый дух все еще дает о себе знать. Благо только в том, что молодежь теперь уже не «догоняется» одеколоном. Но дурные привычки, дурные примеры сохраняются, а по количеству спиртного, продаваемого через розницу, мы уже, наверное, превысили советские показатели.

Но основная беда даже не в этом, а в том, что на полках наших магазинов немалую долю занимают фекалии с «градусами», которые народ приобретает без всякого смущения. У нас по этому поводу опять поднимается волна демагогических рассуждений насчет введения госмонополии или многократного повышения цен. На самом же деле государство сделало явное послабление по части стандартов КАЧЕСТВА, а равно по части лояльного отношения к тем производителям, что позволяют себе изготавливать дерьмо, несовместимое с нормальной культурой потребления спиртного. Иной раз возникает впечатление, что наше государство не только не контролирует качество продукции, но и сквозь пальцы смотрит на откровенный контрафакт. Потребителя очень часто держат за доверчивого идиота, и это теперь не рассматривается как преступление.

Я уже высказывался по поводу нашего «вина» и «пива». В данном сегменте, собственно, совсем не требуется повышение акцизов. Достаточно утвердить жесткие регламенты и ввести серьезную ответственность за их нарушение. Так, пиво должно быть сделано из солода, а не из овсяной шелухи с примесью эссенций (или из чего они там делают эту козлиную мочу?). Так и вино должно быть сделано из натурального виноградного сусла, а не из смеси воды, сахара,

виноградных выжимок, красителей и тех же эссенций. За подобное варево необходимо не только штрафовать, но и сажать в тюрьму. Причем, ответственность должна возлагаться как на производителя, так и на продавца. И продавцу тут тоже не отвертеться. От розницы можно протянуть цепочку к дистрибьюторам, а от них – к производителям. Все просто и понятно. До любого владельца магазина необходимо донести простую мысль, что в случае обнаружения контрафакта ему прилетит если не тюремный срок, то штраф в размере полугодового оборота. А запустить процесс сможет любой конечный потребитель, разбирающийся в напитках и очень огорченный по поводу того, что ему всучили. Причем, я бы сделал так, чтобы конечный потребитель мог за свой иск получить солидную материальную компенсацию от магазина. Надо заставить участников рынка уважать людей и считаться с их вкусами.

Отдельная строка, конечно же, это – качество исходного сырья и соблюдение технологий, а равно и место происхождения сырья. Тут, в принципе, ничего изобретать не нужно, ибо всё уже придумали до нас. Но самое смешное, что в нашей стране законодатель особо не торопится следовать цивилизованным примерам. Применительно к виноделию, например, у нас до сих пор нет внятной классификации винодельческой продукции, до сих пор нет понятия «географическое наименование по происхождению», нет соответствующих институтов, делающих экспертное заключение. Самое смешное, что за такие законы сейчас активно борются производители качественных вин, в частности, производители так называемого авторского вина, объединенные в ассоциации.

Наверное, главный парадокс нашего законодательства как раз и заключается в том, что оно создает простор для массового производства всякой дряни, при этом создавая преграды для мелких производителей качественного (и нередко дорогого в силу высокой себестоимости) продукта. Попробуйте организовать семейное производство натурального домашнего пива, марочного авторского вина или качественного дистиллята. Вам будет обеспечено мучительное хождение по бесконечным бюрократическим инстанциям. Зато где-нибудь неподалеку от вашего дома будет исправно работать большое предприятие по выпуску спиртных напитков, выбрасывающее на рынок двести наименований черт знает чего. Здесь тоже, надо сказать, просматривается влияние дурного советского наследия. «Как, семейное производство пива? Ужас! Это же прямое спаивание своих земляков!» - так может воскликнуть любой зануда-трезвенник. Предрассудок – он и есть предрассудок. Подобное отношение к мелким производителям характеризует ситуацию, когда качественная сторона во внимание не принимается. То есть как бы априори полагается, что семейное предприятие также будет ориентировано на производство спиртосодержащих фекалий. Отсюда и вылетают предупредительные нарекания, потому как производство дерьма является у нас привилегией крупных игроков, и всякой «мелочи» соваться сюда незачем.

И напоследок поговорим о том, что делать нам с нашей «национальной гордостью» - нашей водкой. Точнее, что нам делать с разбодяженным водой ректификатом, с определенных пор называемым «русской водкой». Мы с нее начали, на ней и закончим.

Суть проблемы такова, что в настоящее время, благодаря техническому прогрессу, спирт-ректификат не является каким-то относительно дорогим изыском, как это было во времена Петра Смирнова. Теперь очищенной водно-спиртовой смесью можно залить половину планеты, не сильно-то раскошеляваясь на производственный процесс. Иначе говоря, как подробно это показал в своих трудах Борис Родионов, ничего уникально-национального в нашей водке нет. Достаточно вам приобрести соответствующее оборудование, и вы в состоянии произвести этой жидкости столько, сколько вашей душе угодно. И при этом ни один эксперт не определит никакой разницы между вашей продукцией и нашей «оригинальной», «неповторимой» сорокаградусной.

Сегодня ситуация такова, что сорокаградусная заполнила прилавки, выступая под сотнями и тысячами ничего не говорящих наименований. Неумная, но при этом плохо развитая фантазия нынешних водочников вынуждает их соревноваться друг с другом не в плане содержимого бутылок, а в плане изобретения названий для своего несложного (и

знакомому многим до слез) продукта. Как правило, в итоге даже небольшой водочный магазин начинает напоминать галерею постмодернистского искусства. Только там вы можете узнать, что водка бывает «Забавной», а иная – «После баньки». Какой-нибудь «Петруха» может стоять рядом с «Гвардейцем», придурковатый «Кузьмич» - красоваться рядом с «Дипломатом», а «Путинка» - рядом с «Полтиной». И медведи бывают разные: бывает «Медведь-шутун» и «Добрый медведь». Только от одних лишь названий человек может впасть в транс с полным отключением левого полушария. Причем, примерно каждые пять лет названия плавно обновляются, и на смену «Медведям-шатунам» и «Кузьмичам» начинают прилетать «Журавли» и иная живность.

Помню, как в самом конце 1990-х какое-то омское предприятие поставляло водку с названиями российской бронетехники. Говорят, директором заводы был бывший военный. Он и придумывал этикетки на свой боевой вкус: танки, зенитные установки, бронетранспортеры. Таким нехитрым маркетингом пытались привлечь доверчивого покупателя, падкого на новенькое и необычное.

Впрочем, покупатель наш оказался не столь уж доверчивым, как кому-то кажется на первый взгляд. Он уже давно раскусил этот трюк с этикетками, прекрасно понимая, что всё содержимое разливается из одного бака. Единственное, что его волнует, так это - не нарваться на разбавленный технический спирт. В 1990-е такое, как мы помним, случалось. Одно новосибирское предприятие (обанкротившееся в первой половине «нулевых») не гнушалось тем, что в ночную смену производило водку с долей дешевого технического спирта (по слухам, в дело была замешана она преступная «бригада», буквально вынудившая директора завода пойти на такой шаг).

О чем свидетельствуют приведенные факты? Как ни странно, но они показывают, что российские граждане не такие уж безнадежные лохи, каковыми их считают водочные производители. Так, продукция упомянутого новосибирского предприятия однажды перестала пользоваться спросом. Покупатели конкретно обходили стороной прилавки, где видели данную марку. И в принципе, они точно так же махнули бы рукой на всех этих «Медведей-шатунов» и «Кузьмичей», если бы производитель сам был на высоте и предлагал им достойную альтернативу.

В этой связи отрадным является факт широкого признания со стороны российских потребителей немировской «Медова з перцем», все еще широко представленной на наших прилавках. По опыту знаю: если на столе – среди обычных российских водок - стоит «Медова з перцем», то даже самые искренние почитатели водки (не признающие ничего другого), начинают налегать именно на нее. Почему? Все очень просто: потому что в ней есть самое главное – есть вкус и аромат! Вы удивлены? Я – нисколько. Наблюдения показывают, что нормальные граждане, как бы их представления ни искажались идиотскими предрассудками, не особо расположены вливать в себя бесцветную и безвкусную жидкость, когда вокруг полно вкусной еды. Под такую закуску интереснее выпить что-либо вкусенькое. Отсюда и успех немировской перцовой горилки. Культура потребления в любом случае коррелирует с материальным достатком. И вы – осознавая сие или нет – в любом случае будете дрейфовать в сторону от запросов обычных забулдыг к запросом приличных людей. Это может происходить неосознанно, но в любом случае сам тренд в сторону культурного питания неизбежен. И вменяемый производитель, осознавая данную тенденцию, сам пойдет навстречу формирующимся запросам, и вместо фантазий на тему «Медведей-шатунов» и прочих «Кузьмичей-Журавлей», выдаст подлинно оригинальный или хотя бы запоминающийся (в хорошем смысле) продукт, выделяющийся на фоне безликого марева однообразных водно-спиртовых смесей. А что касается государства, то ему было бы неплохо дополнительно простимулировать производителя к созданию нормальных брендов.

Если оценить чисто техническую сторону процесса, то справедливости ради надо сказать, что сам по себе ректификат не является злом. Он может служить хорошей, добротной основой для производства качественных настоек, ароматных водок, наливок, ликеров. И законодательство, как я полагаю, необходимо выстроить так, чтобы поощрить производителя к созданию именно таких напитков. Естественно, установив официальную классификацию, определив уровни качества и прочие регламенты, исключаящие появление дешевенького

пошла с использованием дешевых эссенций и красителей. Настойка должна быть настойкой, а не ее жалким подобием. Да, спирт – очищенный, растительное сырье – натуральное. Пропорции определяются регламентами. Чтобы не было так, как в некоторых водочных марках, где слово «Кедровая» присутствует только в названии, тогда как обоняние ничего подобного не улавливает.

Думаю, есть смысл обратиться к нашему «ликеро-водочному» наследию, вспомнив и Шустова, и Штритера. Традиция у нас на сей счет богатая. Даже в советские времена ей не пренебрегали. И у народа, кстати, есть вкус (да – именно вкус) к добротным настойкам. Ведь здесь тоже многовековая традиция, о чем мы уже говорили. Хорошую рябиновку или кедровку народ пил бы с большим удовольствием, будь она в продаже в достаточном количестве. За неимением таковой, некоторые хозяева готовят ее сами, на основе обычной водки. Вполне нормальный, можно сказать – национальный напиток. Без всяких натяжек и преувеличений. Понятно, что при качественном изготовлении их цена может быть несколько выше, чем цена простой спиртово-водочной смеси. Но приличный потребитель к таким затратам, в принципе, готов. Ведь «Медова з перцем» пользуется успехом не только у людей состоятельных, но даже у простых работяг и пенсионеров. А чего бы не создать такой бренд в отношении старинных русских настоек? Если покопаться в прошлом, в дореволюционных рецептурах, найти можно много чего интересного. При грамотном маркетинге «Ерофеичи», «Горные дубняки», «Рябиновки» и «Старки» расходились бы неплохо. Кстати, «Старка» когда-то ценилась выше коньяков, стоя при этом заметно дешевле. И если бы российским производителям хватило ума, культуры и совести, то она заткнула бы за пояс украинскую перцовку. Но, увы...

В общем, ректификат нужно определить именно в класс полуфабриката, основы для производства напитков указанного класса.

А как же тогда быть с обычными водно-спиртовыми смесями, именуемыми простыми водками? Как быть с этой постмодернистской галереей дурацких этикеток? Как быть с однообразным содержимым под тысячью наименований? На этот счет я выскажу предложение, которое вряд ли устроит наших водочных магнатов. Нет смысла отнимать у них бизнес в пользу государства или намеренно ограничивать выпуск какими-то специальными нормами. Я предлагаю государевым мужам обработанную смесь ректификата и воды оставить за известными советскими брендами – «Столичная», «Посольская», «Московская», «Золотое кольцо», «Кристалл», «Пшеничная». В принципе, достаточно шести-семи наименований. И выпуск этих марок – в абсолютно точном соответствии с установленными когда-то регламентами – выдать по лицензии тем предприятиям, которые пройдут конкурсный отбор. Одна марка – на одно предприятие. Не больше. Если они чего-то там «нахимичат» - отнимать лицензию без всяких разговоров. А тот, кто решится выпускать контрафакт – пойдет за решетку и получит такие штрафы, что мама не горюй. Иными словами, эти водки будут производиться исключительно как **советский раритет**, контроль над выпуском которого принадлежит государству. Всё, точка!

Причем, лицензия должна стоить немало, а значит, и сам раритет будет продаваться именно как раритет, стоя приличных денег. Иными словами, он не рассчитан на массовую продажу. По крайней мере – внутри страны. Производитель «Столичных» и «Посольских», таким образом, ориентируется на мировой рынок. И это будет справедливо. Только эти бренды, изготовленные путем разбавления ректификата, будут считаться легитимными. А всякие там «Медведи-шатуны» и «Кузьмичи» должны вылететь с рынка ко всем чертям! Если у тебя нет лицензии на производство обычной «беленькой», то вертись как хочешь, изобретай свои марки напитков в классе настоек, ароматных водок, ликеров, наливок... Выбор огромен. Можно наладить выпуск «Лимонной», «Миндальной», «Тминной», «Анисовой». Можно делать ту же рябиновку или кедровку. Можно перейти на традиционные дистилляты, как это сделал Борис Родионов.

Да, организовать такое производство будет сложнее и накладнее. Но в том и заключается суть предложений, чтобы побудить производителя работать на цивилизованный вкус, а не потакать порочным наклонностям. И подобные требования к производству спиртных напитков окажутся намного лучше всякой госмонополии. Ведь какая, собственно, разница, кто

будет делать «пьяные» деньги на дурных пристрастиях простых граждан – государство или частный производитель? Государству наживаться на таких делах куда сподручнее - о чем свидетельствует наша история. Ссылаться на подпольное производство также бессмысленно – оно никуда не делось и преспокойно существует и в наши дни. И это уже не вопрос культуры питания, а вопрос работы правоохранительных органов. Поэтому не стоит подменять одну проблему другой.

Весь смысл предлагаемых установлений как раз и сводится к тому, чтобы уйти от позорной практики вовлечения граждан в банальное пьянство, навязывая им **наркологическое восприятие спиртного**. Необходимо сделать так, чтобы исчезла сама возможность легально наживаться за счет высокопроизводительного водочного конвейера, рассчитанного на невзыскательный массовый вкус и дурные пристрастия. Эта эпоха должна уйти безвозвратно. Навсегда!

Литература

1. Похлебкин В.В. История важнейших пищевых продуктов. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. – 553 с.
2. Дюркан Э. Спирты и ликеры. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 288 с.
3. Родионов Б. Полугар. Водка, которую мы потеряли. – М.: Зебра Е, 2009. – 304 с.
4. Родионов Б. Правда и ложь о русской водке. АнтиПохлебкин. – М.: АСТ, 2011. – 319 с.
5. Родионов Б. История русской водки от полугара до наших дней. – М.: Эксмо, 211. – 336 с.: илл.
6. Брум Д. Крепкие алкогольные напитки мира. – М.: Из-во Эксмо, 2004. – 224 с.: илл.
7. Шумейко И.Н. 10 мифом о русской водке. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 384 с.
8. Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 519 с.: илл.
9. Прыжов И. История кабаков в России в связи с историей русского народа. – СПб – М., 1868. – 320 с.
10. Мальцев И. Виски: История вкуса. – М.: Альпина нон-фикшн, 2010. – 420 с.: илл.